

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
 » 2 мѣсяца. 3 »
 » 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
 1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 H. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ АПРѢЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Динамитно-анархическая эпидемія и самоуправленіе, II. М. Драгоманова. — 2) Уничтоженіе Ново-Александрійскаго института. — 3) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VII. З. С. — 4) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». V. Письмо А. И. Герцена къ Ю. О. Самарину. VI. Письмо Ю. О. Самарина къ А. И. Герцену. — 5) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, X. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе), Н. Жебунева. — 6) Новѣйшіе подходы къ соціальному вопросу, III. Крестьянское движеніе въ Германіи, Аггус. — 7) Земская Хроника, III. Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ, О. В. — 8) Извѣстія и замѣтки: Евангеліе и кабатчики въ Кіевѣ. — Изъ Петерб. полиг. процесса. — Поправки газетныхъ извѣстій. — Польско-украинское воззваніе къ избирателямъ въ Галиціи. — «Подпольная Россія».

ЖЕНЕВА, 15 апрѣля 1883 г.

Обращаясь къ разсмотрѣнію явленій такъ называемаго динамитно-анархической эпидеміи въ южной Франціи, мы должны прежде всего постараться разсѣять хоть нѣсколько туманъ относительно слова — анархія, существующій въ массѣ публики, столько же благодаря реакціоннымъ истолкователямъ новѣйшаго социалистическаго движенія, сколько и нѣкоторымъ изъ теперешнихъ соціальныхъ революціонеровъ, присвоившимъ себѣ имя анархистовъ. Реакціонеры, напр., называютъ безразлично всѣхъ социалистовъ анархистами, въ томъ числѣ, напр., и государственнаго коммуниста Гэда, журналъ котораго, Egalité, какъ напоминали мы въ 54 №, самъ приравнивалъ анархистовъ къ буржуазіи, обѣщая, въ моментъ революціи, принудить ихъ къ молчанію, — такъ же, какъ и буржуазію. По словамъ реакціонныхъ журналовъ, какъ русскихъ такъ и заграничныхъ, выходитъ, что и русскіе „террористы-народновольцы“, — сторонники политической централизаціи, — тоже анархисты. Съ другой стороны, нѣкоторые сторонники приложенія динамитнаго террора въ соціальной борьбѣ въ западной Европѣ, видя, что эти русскіе народновольцы употребляютъ динамитъ и политическія убійства для своихъ цѣлей, тоже провозглашаютъ ихъ своими единомышленниками, анархистами. Въмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые западные анархисты-динамитчики выводятъ свою родословную отъ Прудона. Между тѣмъ Прудонovo ученіе объ анархіи не имѣетъ ничего общаго ни съ русскимъ народновольствомъ, ни съ тѣмъ ученіемъ социалистическаго терроризма,

которое нѣкоторые публицисты и ораторы пробовали излагать и на французскомъ языкѣ. Со старымъ французскимъ политическимъ „народновольствомъ“, или якобинствомъ, Прудонъ боролся изъ всѣхъ силъ всю свою жизнь, — да и новѣйшій социалистическій терроризмъ, принимаемый многими за анархизмъ, опять таки гораздо ближе не къ Прудону, а къ той помѣси якобинства съ социализмомъ, которая представлялась въ свое время Бланки и которая, далекая отъ ученія объ ан-архіи или без-власти, потому только постоянно проповѣдывала нападенія на существующія власти, что сама желала захватить власть въ свои руки.

Прудонovo ученіе объ ан-архіи, — въ отличіе отъ монархіи, пан-архіи, или коммунизма, и демократіи (унитарной), — высказанное бѣгло еще въ 1840 г. въ мемуарѣ „Qu'est-ce que la propriété?“, обстоятельно изложено имъ въ книгѣ „Du principe fédératif“. Здѣсь Прудонъ переводилъ слово ан-архія словомъ self-government, самоуправленіе. Практическое осуществленіе этого самоуправления, — примиреніе началъ авторитета и свободы, — Прудонъ видѣлъ (при личной свободѣ) въ федерации коммунъ, кантоновъ и провинцій, весьма подходящей къ швейцарскому политическому строю, — основы котораго, федеральный договоръ 1848 г., Прудонъ часто цитируетъ для поясненія своихъ идей. — Какъ социалистъ, Прудонъ только дополняетъ чисто-политическое швейцарское самоуправленіе планами федерации экономической, земледѣльческо-промышленной. Какъ теоретическій противникъ коммунизма съ его „нераздѣльностью власти, какъ и въ монархіи“, и какъ практическій человѣкъ и французъ, т. е. сынъ страны, въ которой большинство рабочаго населенія — крестьяне-собственники, Прудонъ представлялъ себѣ экономическія федерации въ видѣ организаціи взаимнаго обезпеченія, — кредита, страхованія, порученія исполненія подрядовъ на общественныя нужды союзамъ рабочихъ и т. д. Этотъ mutualisme и garantisme politico-économique Прудонъ считалъ осуществимымъ только въ политической федерации и высшимъ выраженіемъ федерализма. Понимая слово революція въ широкомъ смыслѣ прогрессивнаго движенія (собственно эво-

люція), Прудонъ вовсе не настаивалъ непременно на насильственномъ разрушеніи теперешнихъ государствъ и теперешняго экономического порядка — и говорилъ, въ концѣ первой части названной книги, слѣдующее: „всѣ мои экономическія идеи могутъ резюмироваться въ трехъ словахъ: федерация земледѣльческо-промышленная. Всѣ мои идеи политическія сводятся къ подобной же формулѣ: федерация политическая или децентрализація. И такъ какъ я не дѣлаю изъ моихъ идей орудія партіи, ни средства для удовлетворенія личнаго самолюбія, то всѣ мои надежды отъ настоящаго и будущаго выражаются въ третьемъ терминѣ, соответствующемъ первымъ двумъ: федерация прогрессивная“ *).

Идеи Прудона подхвачены были между прочимъ и Бакунинымъ, который съ большимъ талантомъ развивалъ ихъ, — особенно отрицательную ихъ часть (критику большихъ централизованныхъ государствъ), — и прикладывалъ ихъ къ дѣламъ странъ, — которыхъ мало касался Прудонъ, — германскихъ и славянскихъ (см. между прочимъ многія мѣста въ книгѣ на русскомъ языкѣ „Государственность и Анархія“). Но Бакунинъ присоединилъ къ ученію Прудона множество такихъ вещей, которыя самому Прудону показались бы дикими и которыя таки и были дикими, въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. варварскими. На бѣду, съ Бакунинымъ судьба сыграла странную игру: потому ли, что

*) Да собственно понятіе объ ан-архіи, какъ о без-власти, и исключаетъ принципиальный культъ революціи, какъ насильственнаго переворота, такъ какъ послѣдній неизбежно предполагаетъ захватъ и сохраненіе власти нѣкоторымъ меньшинствомъ (пускай, и передовымъ); большинство же въ насиліи не нуждается, а просто устраняется, какъ хочетъ; осуществленіе же и сохраненіе социалистическаго идеала не мыслимы безъ проникновенія имъ большинства, — почему собственно социалистъ и не можетъ имѣть культа революціи, который имѣли старые государственные дѣятели, и въ этомъ отношеніи онъ неизбежно является ан-архистомъ. Такимъ образомъ ученіе объ анархіи въ политикѣ отвѣчаетъ ученію объ эволюціи въ естествознаніи и социологіи, какъ ученіе о монархіи отвѣчало религіозному единобожію (съ чудесами въ природѣ), а ученіе о революціи — философскому деизму (съ катаклизмами въ природѣ). Само собою, что теорія эволюціонная не исключаетъ въ крайнихъ случаяхъ возстанія противъ прямаго насилія, которое проявляется преимущественно въ области политики со стороны государственной власти.

онъ былъ болѣе ораторъ, чѣмъ писатель, или по чему другому, но къ его послѣдователямъ прививались не столько его основы, сколько ихъ гарнитура, не столько идеи, сколько восклицанія, а потому больше слабости, чѣмъ здоровыя стороны его проповѣди *). Большую же часть слабостей и дикостей, привнесенныхъ Бакунинымъ въ Прудово учение и привитыхъ имъ, какъ зараза, даже къ нѣкоторымъ социально-политическимъ кругамъ З. Европы, талантливый агитаторъ вынесъ именно изъ Россіи, какъ изъ страны, политическій строй которой всего болѣе далекъ отъ Прудова идеала самоуправления.

Деспотизмъ и централизація въ Россіи не даютъ мѣстнымъ людямъ съ политическими наклонностями никакой школы, которая бы приучала ихъ подчинять инстинкты, порывы и страсти—разсужденію и системѣ. Отсюда прежде всего происходитъ у активныхъ русскихъ натуръ наклонность къ крайностямъ и затѣмъ противурѣчивость самимъ себѣ часто почти въ одно и то же время. Обращаясь къ политическимъ теоріямъ Бакунина, мы видимъ, что онъ въ сибирскій свой періодъ (см. письмо его, напечатанное въ 54 и 55 №№ „В. Слова“) симпатизируетъ „желѣзной диктатурѣ“ въ интересахъ крестьянъ и славянства, и даже недалеко отходитъ отъ этой теоріи въ брошюркѣ „Народное Дѣло. Романовъ, Пугачевъ, или Пестель?“ (Лондонъ, 1862 г.). Немного спустя, Бакунинъ кидается въ полное отрицаніе всякой политической организаціи, называемой имъ государственностью, — сохраняя впрочемъ прежнее преклоненіе передъ желѣзной диктатурой въ проведеніи въ устраиваемая имъ анархическія тайныя общества всемірной социальной революціи принципа тайной диктатуры, какъ это доказано въ изданной противъ него партіей К. Маркса въ Интернаціоналѣ, впрочемъ, мѣстами пристрастной, брошюрѣ, — *L'Alliance de la démocratie socialiste etc.* (Londres 1873) **). Бакунинъ превратилъ

*) Пишущій это имѣлъ уже случай замѣтить, какъ мало оставили по себѣ слѣдовъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ федеративныя и антиобрустительныя идеи Бакунина («Историческая Польша и Велико-русская демократія»). А между тѣмъ руссофильское народничество Б—на, въ родѣ возведенія Ст. Разина, Пугачева и даже современныхъ русскихъ разбойниковъ въ социальные революционеры, которые даже будто бы получше понимали дѣло, чѣмъ С. Симоны и Луи Бланъ, и анти-культурныя выходки его противъ «буржуазно-казенныхъ» наукъ и школъ пустили по себѣ глубокіе и гибельные корни въ Россіи и высказывались даже его соперниками (см. «Впередъ», т. I, о Пугачевѣ, или финалъ «Хитрой Механики» о школахъ). О послѣднемъ мы говорили между прочимъ въ «Громадѣ», т. IV, 203—212. Указаніе это мы считаемъ нужнымъ сдѣлать въ виду тѣхъ рецензентовъ-исказителей нашихъ статей «Историческая Польша» и пр., которые приписываютъ намъ «поклоненіе Бакунину»,—тогда какъ мы только отдаемъ ему должное.

**) Оригинальный отголосокъ прежняго предпочтенія самодержавія парламентаризму сохранился у Бакунина въ его анархическій періодъ въ запискахъ, которые были очень въ ходу у русскихъ революционеров до недавняго времени, напр., что «конституціонный или даже республиканскій либерализмъ, пожалуй, еще болѣе пагубенъ для народа, чѣмъ даже настоящее чиновничье управленіе» («Постановка революціоннаго вопроса»). Кстати будетъ

Прудову анархически-федеративную теорію въ какой то социально-революціонный буддизмъ и, пуская въ ходъ приемы своей старинной гегеліанской аргументаціи, придавалъ ей какой то мифологическій характеръ въ русско раскольническомъ духѣ.

У него три гегеліанскія категоріи: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, представлялись въ видѣ трехъ совершенно отдѣльныхъ реальныхъ явленій, олицетвореніе которыхъ, право, напоминаетъ раскольническое превращеніе идеи объ аллилуйя—въ „Аллилуйю жену милосердную“. По Бакунину, существующій положительный порядокъ сначала долженъ быть отвергнутъ и весь разрушенъ, а какъ „полное разрушеніе не совмѣстимо съ созиданіемъ и потому должно быть исключительно, абсолютно, едино“, — то „данное поколѣніе должно разрушить все существующее сплеча, безъ разбора, съ единымъ соображеніемъ—„скорѣе и больше!“ Для разрушенія всего болѣе пригодна „революціонная страсть и даже всѣ такъ называемыя теперь дурныя страсти“. Иногда Бакунинъ, впрочемъ, пускался въ изложеніе положительныхъ плановъ организаціи революціонной и послѣ-революціонной, — но эти планы рисовались ему такъ сбивчиво, что его противники замѣчали ему, что онъ въ сущности возстановляетъ разрушенное же, или же ничего не возстановляетъ, или доходитъ до абсурдовъ въ родѣ *les barricades en permanence!* Во всякомъ случаѣ надежды, которыя подавалъ Б—нъ на то, какъ вырастетъ новый порядокъ послѣ всеобщаго разрушенія изъ „аморфизма“, — отличаются крайне мистической, истинно буддійскою неясностью, превосходящей даже фразеологию московскихъ славянофиловъ, которыхъ вообще Б—нъ и русскіе революционеры-народники очень часто напоминаютъ. Проповѣдникъ ан-архій, т. е. прежде всего, казалось бы, личной свободы, повелѣвалъ своимъ ученикамъ отказаться „отъ личной инициативы и подчиниться коллективной мысли народа и его непосредственному вдохновенію, — принять душу народную, утопиться въ народѣ, не хлопоча о наукѣ, которой ихъ“ будто бы „хотятъ связать и обезсилить, и которая должна погибнуть вмѣстѣ съ старымъ міромъ. Наука же новая (т. е., значить, и мысль о новой общественной организаціи) народится (какъ то) потомъ послѣ побѣды народа, изъ освобожденной жизни народа“. (См., кромѣ назв., „Начала революціи, Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи, Наука и насущное рев. дѣло, Всевѣстный рев. союзъ соц. демократіи“, а равно выдержки изъ рѣчей и писемъ въ брошюрѣ *L'Alliance de la démocratie socialiste* и проч.; см. также „Къ русскимъ революционерамъ, № 1, изд. Рев. общины русскихъ анархистовъ“, —компиляцію прокламацій Б—на и тайной программы Аллилуйя).

Если своею энергіей и ораторскимъ талантомъ, что одинъ изъ близкихъ къ Б—ну людей любилъ повторять фразу, по всей вѣроятности принадлежащую учителю: «демократія—худшая изъ всѣхъ краіи».

лантомъ Б—нъ много способствовалъ распространенію въ разныхъ странахъ Европы общихъ формулъ социализма, то несомнѣнно, что вышеочерченной формулировкой анархизма, а также русскими антикультурными къ ней примѣсами, въ родѣ осужденія науки и идеализаціи разбойниковъ, онъ внесъ большую смуту въ умъ европейскихъ социалистовъ и сильно помѣшалъ организаціи рабочаго движенія въ тѣхъ странахъ, на которыя онъ имѣлъ особенное вліяніе, а именно въ странахъ романскихъ *). Всѣ же разрушительные планы Б—на разбились здѣсь именно о самоуправленіе, какъ бы оно ни было не совершенно въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ. Для доказательства сказаннаго пришлось бы писать особую статью, да и не одну,—но мы ограничимся только самымъ бѣглымъ обзоромъ вліянія идей Б—на и его русскихъ послѣдователей на социальное движеніе въ Швейцаріи, гдѣ они нашли себѣ поле сѣянія преимущественно въ такъ называемой Юрской федераціи, т. е. союзѣ социалистическихъ кружковъ въ населеніи городковъ по Юрѣ.

Въ Швейцаріи пропаганда социализма началась еще съ 1848 г. Полная свобода сходовъ и обществъ давала для этой пропаганды большой просторъ, а значительное количество рабочихъ товариществъ всякаго рода—представляло для нея естественную почву. Существованіе во многихъ мѣстахъ общиннаго и кантональнаго землевладѣнія и развитіе мелкой собственности, при самоуправленіи общинъ и кантоновъ, указывало на необходимость и возможность практическихъ опытовъ социализма въ формѣ мюлюэлизма. Уже передъ появленіемъ Интернаціонала въ Швейцаріи насчитывалось не мало социалистическихъ обществъ, а еще болѣе многочисленны были здѣсь кадры для образованія большой рабочей партіи. При вѣсти объ Интернаціоналѣ, котораго первые конгрессы (1866—1867) собирались въ Женевѣ и Лозаннѣ, многія швейцарскія общества рабочихъ заявили желаніе присоединиться къ нему. Но вотъ въ 1868 г. появляется въ Швейцаріи Интернаціоналъ въ Интернаціоналѣ, — *Alliance de la démocratie socialiste*, — основанная Бакунинымъ и меньшинствомъ, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Лиги Мира и Свободы (забвѣтъ, все люди свободныхъ профессій), — въ двухъ видахъ: явномъ, федеральномъ, и тайномъ, диктаторіальномъ, и навиваетъ подчинять своему вліянію швейцарскія рабочія общества, почти исключительно.

*) Едва ли тоже не за русскія національныя черты слѣдуетъ считать и тотъ безмѣрный духъ личнаго самолюбія, поклоненія авторитетамъ и потогъ испроверженія ихъ, личной и кружковой мелочности и интригантства, наконецъ, драчливости, — чѣмъ всѣмъ отличалась русская эмиграція въ Швейцаріи, какъ сторонники, такъ и противники анархизма, и что все вносило большую смуту въ ряды интернационалистовъ въ Швейцаріи, среди которыхъ русскіе благодаря ихъ горячности, извѣстному образованію и литературности, заняли видное мѣсто, и что все, наконецъ, сильно опротивило работникамъ-швейцарцамъ и оттолкнуло ихъ отъ Интернаціонала. Замѣтимъ, что даже всѣ эти клички: «бакунисты», «тупицы», «лавренты» и т. п. ужасно напоминаютъ: «филлоновъ», «оедосѣвцевъ», «акулиновцевъ» и т. д.

зпрочемъ, въ романской Швейцаріи. Аллпнсъ начинаетъ проводить среди рабочихъ свою теорію соціальной революціи, гачинаемой съ уничтоженія государствъ *), —выставляя, впрочемъ, изложенную выше теорію аморфизма не сразу, а въ издѣстной постепенности. Такъ какъ въ Швейцаріи, по многимъ причинамъ, между прочимъ и вслѣдствіе тамошней широкій свободы и самоуправленія, бакунистамъ трудновато было пустить въ практику попытки разрушенія государства посредствомъ возстанія (интересно, что Женевскій комитетъ отправилъ въ 1868 г. оставленную Бакунинымъ прокламацію рабочимъ въ Испаніи, въ которой горорилъ: „Испанскіе братья, сдѣлайте соціальную революцію; начните сегодня, а вы сдѣлаемъ ее завтра“), то здѣсь налегли а другой способъ уничтоженія государства, въполнѣ отвѣчающій русскому расоловичьюему „бѣгунству отъ Антихристова арства“: на воздержаніе отъ всякаго частія въ политической жизни своей страны и ея представительныхъ собраний, канональных и даже коммунальных **).

Это воздержаніе тоже возводятъ къ Прудону, который дѣйствительно посовѣтовалъ французской демократіи во время выборовъ 1863 г. воздержаніе въ видѣ одачи бѣлыхъ бюллетеней, потому что аходилъ условія выборовъ, установленныя онапартовскимъ правительствомъ, невозможными для демократіи, — между прочимъ, по отсутствію свободы печати, стественныхъ округовъ, свободныхъ комунъ, провинцій и т. п. (См. Oeuvres complètes, XVI, Les démocrates assermentés et les éfactaires), но никогда не думалъ проповѣдывать воздержаніе отъ политики, какъ общій принципъ. Бакунины еще въ 1868 г. исаль въ парижскомъ журналѣ «La Démocratie», что „политическое воздержаніе сть глупость, выдуманная плутами для бмана идіотовъ“, —но скоро потомъ сдѣался горячимъ проповѣдникомъ этого воздержанія. Неудачи въ избирательной каманіи, какія потерпѣли малоочитные еще нтернационалисты въ Юрѣ и въ Женевѣ въ 1868—1869 гг. и которыхъ причины линно было бы разбирать здѣсь, пригоовили поле для этой проповѣди, которая кончательно довела швейцарскихъ соціалистовъ до раздѣленія и ссоръ и сильно пособствовала распаденію швейцарскихъ екцій Интернационала***). Правда, на перыхъ порахъ бакунисты (на Конгрессѣ Романскомъ 1870 г., на которомъ соверилось окончательное распаденіе швейцарскаго Интернационала) порѣшили, вмѣсто частія въ политикѣ кантоновъ и коммунъ, аняться организаціей федераціи союзовъ ремесленныхъ (corps de métiers), но такъ

какъ съ ихъ радикальѣйшей точки зрѣнія всѣ мелкія, будничныя дѣла, которыми обыкновенно занимаются эти союзы (кооперация, кассы сопротивленія, профессиональное образованіе и проч.), вздоръ, при оиданіи всеобщаго разрушенія существующаго строя, — то понятно, что и это намѣреніе осталось на бумагѣ. Въ странѣ самоуправленія и почти ежегоднаго дѣйствія поголовной подачи голосовъ, анархисты-абстенціонисты скоро обратились въ маленькую секту своего рода столпниковъ, которыхъ даже существованіе масса рабочихъ постепенно стала забывать.

Между тѣмъ генеральный штабъ секты долженъ же былъ чѣмъ нибудь себя проявлять, особенно самъ неусыпный его вдохновитель. Рядомъ съ теоріей невмѣшательства въ политику — создалась теорія „пропаганды дѣйствіемъ“, — конечно, въ духѣ разрушенія. Особенно ярко эта теорія излагалась на русскомъ языкѣ. Въ листкахъ „Народной Расправы“, изданныхъ Бакунинымъ и Нечаевымъ, высказывались такія положенія: „мы не вѣримъ болѣе въ слова. Слово имѣетъ для насъ вѣсь только, когда за нимъ слѣдуетъ дѣло; но не все то дѣло, что носитъ это имя. Напримѣръ организація безъ внѣшнихъ проявленій есть ничто иное, какъ смѣшная и невыносимая дѣтская игра. Мы называемъ внѣшнимъ проявленіемъ только рядъ актовъ, разрушающихъ положительно что нибудь, личность или вещь, преграду, мѣшающую освобожденію народа...“ *). Въ Швейцаріи не находили мѣста для такихъ „внѣшнихъ проявленій дѣла“, а потому тамошніе анархисты обратили свои взоры за-границу, — гдѣ кстати вспыхнула франко-прусская война. Послѣ 4 сентября юрцы попробовали вербовать фран-тировъ для Франціи (вещь въ сущности совершенно политическая!), —но когда федеральное правительство запретило исполненіе этого плана позаконамъ нейтралитета, — то, конечно, юрцы и остались при намѣреніи. Вскорѣ затѣмъ самъ Бакунины съ нѣкоторыми французскими друзьями явился въ Лионъ и издалъ декретъ, помѣченный République française, Fédération révolutionnaire des communes, — котораго первый параграфъ гласилъ: „административная и правительственная машина — государства, сдѣлавшаяся безсильною, — упраздняется“, — но горсть солдатъ, слугъ этой машины, явившаяся въ Hôtel de Ville Лиона, заставила авторовъ декрета бѣжать изъ города. Такъ же кончились и двѣ послѣдующія (1874 и 1877 гг.) попытки „дѣла“ въ Италіи, гдѣ соціалистическая пропаганда тогда почти совсѣмъ было не коснулась рабочихъ и держалась преимущественно среди людей, которыхъ самъ Бакунины называлъ — „молодежь буржуазная, но горячая, tout-à-fait déclassée, sans carrière, sans issue“ **). Въ Швейцаріи припались за „дѣ-

ло“ только въ 1877 г., но здѣсь „дѣло“ ограничилось попыткой пройти, на зло бернцамъ, по ихъ городу съ краснымъ знаменемъ 18 марта, въ годовщину Парижской Коммуны. Это дѣло, — въ которомъ не только абстрактное право, но и теоретическая легальность были, конечно, на сторонѣ манифестантовъ, но въ которомъ они оказались въ противурѣчій съ вкусами жителей автономной коммуны Берна и съ распоряженіями кантональных властей, думавшихъ предупредить повтореніе случившейся въ предидущемъ году по подобному же поводу уличной драки между бернцами и пріѣзжими интернационалистами, — кончилось дракой между носителями неприятнаго „бернскимъ медвѣдямъ“ знамени и полиціей *).

За дракой послѣдовали судебные приговоры, между прочимъ, разорившіе наиболѣе усерднаго послѣдователя Бакунина, Дж. Гильома, редактора Bulletin de la Fédération Jurassienne. Бюллетень прекратился, — а Гильомъ уѣхалъ изъ отечества и совершенно удалился отъ публичныхъ дѣлъ.

Гильомъ началъ рядъ бѣгствъ изъ бакунино-юрскаго анархизма; спустя извѣстное время, за нимъ послѣдовали французы: Гэдъ, перешедшій въ марксизмъ и недавно ставившій свою кандидатуру въ палату, Б. Малонъ, и Бруссъ, приставшіе къ болѣе федеральной, но все же политически-активной „рабочей партіи“, которая приняла въ себя многихъ анархистовъ по Прудону; итальянцы: Коста, теперь депутатъ, выбранный коалиціей социалистовъ и радикаловъ, а, наконецъ, и Кафьеро, долѣе всѣхъ остававшійся вѣрнымъ юрскому бѣгунству и бунтарству.

Между тѣмъ отечество Бакунина повліяло на европейскій западъ новыми порожденіями своей жизни. Политическій деспотизмъ русскаго правительства, въ своемъ родѣ столь же невыносимый, какъ и ирландская аграрная система, породилъ въ Россіи цѣлый рядъ убійствъ, которыхъ нѣкоторые русскіе стали было возводить въ теорію новаго способа соціально-политической борьбы **).

И факты, экспериментовъ такого рода и повела за собою «полный разрывъ» съ его единомышленниками, «rupture complète», какъ отмѣтилъ Б.—нъ въ своемъ дневникѣ. Одному изъ главныхъ организаторовъ попытки вскорѣ за тѣмъ Б.—нъ писалъ: «Ты сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы убить меня физически, нравственно и общественно, притворяясь до конца моимъ другомъ... хочу вѣрить, что ты обманывалъ себя самого, принимая внушенія непереносимаго и, право, сильнаго честолюбія за ревность къ дѣлу» — и дальше говорилъ знаменательныя слова, которыя частію уже были приведены въ («Вольн. Сл.» № 26): «Пойми же наконецъ, что на іезуитскомъ мошенничествѣ ничего живаго, крѣпкаго не построишь, что революціонная дѣятельность должна искать опоры не въ подлыхъ и въ низкихъ страстяхъ, и что безъ высшаго, разумѣется, челоѣческаго идеала никакая революція не восторжествуетъ». Эти слова — знаменуютъ полное отреченіе Б.—на отъ «разрушительныхъ» прокламацій 1869 — 1870 гг. Недолго спустя, Б.—нъ умеръ, въ 1876 г.

*) Замѣтимъ, что годъ передъ тѣмъ судъ обвинилъ бернскихъ драчуновъ, кинувшихся на красное знамя.

**) Отъ этой теоріи, высказанной, между прочимъ, въ брошюрахъ гг. Тарновскаго и Морозова, а раньше въ письмахъ, читанныхъ на процессѣ

*) Т. е., въ крайнемъ случаѣ, съ конца!

**) За подробностями отсылаемъ любознательныхъ къ книгѣ Test n t — Livre bleu de l'Internationale, въ упомянутой уже брошюрѣ L'Alliance de la démocratie socialiste и къ Mémoire présenté par laédération jurassienne etc. 1873.

***) Замѣтимъ, что особеннымъ усердіемъ въ пользу «воздержанія» отличались ораторы и публицисты русскіе и французскіе, которые, какъ эмигранты въ Швейцаріи, были уже абстенціонисты по-натурѣ.

*) Не имѣя русскаго оригинала, переводимъ съ французскаго перевода въ брошюрѣ L'Alliance и проч.

**) Первая попытка, въ которой участвовалъ и Бакунины, рѣшительно разочаровала его насчетъ

и теория этого русского терроризма нашли себя отголосокъ въ другихъ странахъ материка Европы, въ покушеніяхъ Геделя и Нобилинга, Пассанапте. Первые два покушенія дали поводъ Бисмарку навязать германскому парламенту законъ противъ социалистовъ. Этотъ законъ оказался особенно на руку тѣмъ социалистамъ, которые относились отрицательно къ участию рабочихъ въ политической жизни, между прочимъ, и сторонникамъ „пропаганды дѣйствіемъ“ (par les faits) или „парлефетизма“, и привлекъ на ихъ сторону часть изъ германскихъ социалистовъ, вынужденныхъ эмигрировать, — Мосста и др. Въ Швейцаріи журналъ „l'Avant-garde“, замѣнявшій „Bulletin de la Féd. Ju-assienne“, написалъ нѣсколько замѣтокъ въ пользу царевубійствъ, хотя здѣсь еще меньше, чѣмъ въ Германіи или Италіи, можно было понять значеніе царевубійствъ для рабочаго вопроса. Впрочемъ, авторомъ статей „l'Avant-garde“, вызвавшихъ судебное преслѣдованіе, оказался не швейцарецъ и не рабочій, — а французъ, медикъ Бруссъ, который затѣмъ, по отбытіи судебного процесса и ареста, возвратился во Францію, гдѣ, какъ сказано выше, и отдѣлился отъ новой анархической партіи.

Мѣсто „l'Avant-garde“ въ Швейцаріи занялъ „le Révolté“, который сталъ вести пропаганду въ пользу новаго анархизма съ болѣею ловкостью, чѣмъ „l'Avant-garde“, и даже съ достаточной хитростью: излагая по своему антигосударственный доктрины, онъ избѣгалъ высказывать общія положенія террористическаго ученія; называлъ русскихъ террористовъ своими друзьями, но скрывалъ отъ своей публики, что они вовсе не анархисты и не абстенционисты, а „государственники“ и „политики“ *). Во всякомъ случаѣ, если эта ловкость приемовъ помогала „Révolté“ избѣгать судебныхъ преслѣдованій, то вся совокупность его содержанія вовсе не приобрѣла ему сторонниковъ въ Швейцаріи. Съ тѣхъ поръ, какъ руководство соц. движеніемъ въ романской Швейцаріи перешло къ „Révolté“, не только новая анархія, но даже всякое социалистическое движеніе, не только въ Женевѣ, но и въ Юрѣ, совсѣмъ замерло, и послѣдніе конгрессы юрской федераціи можно считать собраніями нѣсколькихъ пріятелей-отшельниковъ, отпавшихъ отъ обязательнаго обряда, неинтереснаго даже и самимъ отшельни-

нѣсколькихъ русскихъ эмигрантовъ въ Берлинѣ и оказавшихъ очень большую услугу Бисмарку, — русскіе террористы «народновольцы» отреклись потомъ въ рѣчахъ Желябова и Суханова и въ заявленіи по поводу смерти Гарфильда, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

*) Также точно скрылъ „Révolté“ отъ европейскіхъ единомышленниковъ, что въ чигиринскомъ дѣлѣ русскіе парлефетисты, бунгары, дѣйствовали отъ имени царя. Впрочемъ, этого не сообщалъ европейской публики даже авторъ интересной книги La Russie Sotterane, редакторъ „Земли и Воли“, не смотря на то, что чигиринское самозванство было раскрыто въ этой газетѣ, какъ chef d'oeuvre народничества, въ статьѣ, сильно напоминающей очерченныя выше бакунинскія прокламаціи. Замѣтимъ однако, что обманъ народа самъ В.—нѣ печально осудилъ. („Госуд. и Анархія“, приб. А, стр. 13).

камъ (См. отчетъ въ „Вольномъ Словѣ“, № 42: „Два конгресса“). Теперь въ Швейцаріи социализмъ, — несомнѣнно зарѣзанный здѣсь иностранцами, — русскими и французами, воспитывавшимися при порядкахъ столь несходныхъ съ швейцарскимъ самоуправленіемъ, ждетъ себя болѣе подходящихъ къ мѣстной жизни организаторовъ! Парлефетизма же, а особенно терроризма на дѣлѣ, тутъ нѣтъ и признаковъ.

Новый, террористическій анархизмъ нашелъ себя гораздо болѣе adeptовъ во Франціи, гдѣ, особенно въ 1880 г., цѣлый рядъ журналовъ и ораторовъ на сходкахъ сталъ восхвалять русскихъ „нигилистовъ“ и террористовъ, ставя ихъ какъ примѣръ социальнымъ революціонерамъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Но замѣчательны при этомъ два обстоятельства: первое, что между этими французскими террористами значительный процентъ составили вовсе не анархисты школы Прудона, а именно adepts противниковъ послѣдняго: социалистическіе, а часто и просто политическіе якобинцы, — собственно сторонники конспираціонной и революціонной диктатуры, — а второе, что здѣсь въ числѣ самыхъ горячихъ восхвалителей „русскихъ нигилистовъ“ и „пропаганды динамитомъ“ оказались прямые агенты провокаторы (см., напр., разоблаченія Рошфора относительно состава редакціи „La Révolution Sociale“, — изъ которой нишунцій это самъ получилъ послѣ 1/13 марта 1881 г. привѣтствіе для „русскихъ нигилистовъ“, — и данныя лионскаго процесса).

Долго французскій терроризмъ оставался на словахъ, но, наконецъ, въ прошломъ году послѣдовали взрывы въ Монсо-ле-Минь и въ Лионѣ и въ послѣднемъ неслыханный взрывъ въ кафѣ Белькуръ, столь возмутившій общественное мнѣніе во всемъ мірѣ и, — характерно! — прославленный только въ русской женевской газетѣ „Правда“, отъ которой отреклась русская эмиграція въ Женевѣ *). Взрывы эти были главнымъ поводомъ къ недавнему лионскому процессу такъ называемыхъ анархистовъ, въ которомъ участвовали и русскій, князь Крапоткинъ. И что же? Процессъ этотъ показалъ, что даже въ странѣ съ столь еще несовершеннымъ самоуправленіемъ, какъ Франція, — существованіе динамитно-анархической партіи невозможно.

Подсудимые представили коллективную декларацию, которая была отпечатана журналами всего цивилизованнаго міра (мы жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ привести ее здѣсь). Въ рѣчахъ своихъ и въ деклараціи этой они заявили себя социалистами и анархистами. Но собственно въ деклараціи социализма почти совсѣмъ не видно, такъ какъ въ

*) Небезынтересно будетъ замѣтить, что русскіе эмигранты въ Женевѣ собирались заявить свое несочувствіе и фактъ взрывовъ во Франціи, причемъ въ пользу подобнаго заявленія высказывались наиболѣе извѣстные между этими эмигрантами. Дѣло остановилось гораздо болѣе вслѣдствіе извѣстной русской мѣшкотности, чѣмъ вслѣдствіе принципиальнаго разногласія.

ней совсѣмъ не развиты мысли объ экономической организаціи, — какъ это хорошо показали нѣмецкія социалистическія газеты. Больше всего налегали декларации на политическую сторону своего ученія, — выставя себя сторонниками безграничной свободы для каждаго, — хотя опять тѣмъ формъ общественной жизни, основанной на этой свободѣ, не начертали. Во всякомъ случаѣ весь ихъ анархизмъ не представляетъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ какое ученіе о свободѣ, братствѣ, любви къ ближнему и т. п. Многие изъ подсудимыхъ называли себя революціонерами, говорили даже о предстоящей въ близкомъ будущемъ (по кн. Крапоткину, черезъ 10 лѣтъ) общей соц. революціи, — но они не провозгласили въ коллективной деклараціи ученія о правѣ всякаго лица или меньшинства на вооруженное нападеніе на существующій политическій и социальный строй, признанный большинствомъ, — а только такое ученіе и заключаетъ въ себѣ что либо опасное для цивилизованнаго общества (конечно, такого, въ которомъ существуетъ извѣстный просторъ для мирнаго дѣйствія къ измѣненію общественнаго строя). Затѣмъ ни одинъ изъ подсудимыхъ не оказался фактически прикосновеннымъ къ происшедшимъ въ Франціи взрывамъ, каковы бы ни были тѣ или другія фразы, сказанныя ими либо изъ нихъ въ журналѣ, на сходкѣ или въ кружкѣ, — и никто изъ нихъ передъ судомъ не высказался въ пользу такихъ проявленій парлефетизма, какъ убійства, взрывы и т. п. *) И лионскіе подсудимые оказались такъ мало террористами вовсе не по трусости, какъ кажется нѣкоторымъ, которые сами не стояли съ ними передъ судомъ, — а просто потому, что они люди, въ которыхъ страсть не ослѣпила здраваго разума. Допустивъ даже, что лионскіе подсудимые дѣйствительно были неискренны, то и тогда остается чрезвычайно важнымъ то, что, въ виду цѣлаго общества, ни одинъ изъ нихъ не считъ возможнымъ провозгласить теорію социалистическо-анархическаго терроризма.

Одно дѣло страстное, моментальное и личное раздраженіе и другое — общаго теорія, складываемая болѣе или менѣе холоднымъ размысленіемъ. Совершенно естественно, если раздраженный представитель крайняго политическаго или экономическаго гнета индивидуумъ увидитъ этого представителя, особенно таковаго, который непосредственно его давитъ. Каждый мыслящій человѣкъ проститъ

*) Одинъ же изъ самыхъ видныхъ подсудимыхъ котораго называли «отцомъ анархизма» и который самъ отказывался отъ этой чести въ пользу Прудона и Бакунина, — кн. Крапоткинъ, о теоретическихъ идеяхъ котораго было столько разъ говорено въ консервативныхъ и социалистическихъ кругахъ, — на процессѣ съ истинно христіанскимъ незлобіемъ приглашалъ даже буржуазныхъ судей изучать вмѣстѣ съ нимъ социальный вопросъ, чтобы убѣдиться въ необходимости социальнаго переворота, и сказалъ въ заключеніе, что: «если бы я могъ (такими средствами) предупредить пролитіе нѣсколькихъ капель крови, — ахъ! я могъ бы умереть въ глубинѣ тюрьмы, умереть добровольнымъ!»

ой поступокъ, или найдетъ для него смягчающія обстоятельства, — если онъ ризванъ быть судьей поступка, и поставается устранить вызвавшія поступокъ причины, — если онъ политическій дѣль. Совершенно понятно, если въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ и въ западной Европѣ ходятъ и разсужденія въ такомъ родѣ: капиталистъ обкрадываетъ меня ежедневно на рабочей платѣ, биваетъ меня и семью мою медленно и постепенно обкрадываніемъ и непосильною работою, — такъ и я тѣмъ болѣе имѣю право „свое отобрать“ у него, или разушить — это „мое“, — его юридическую общественность, или убить сразу моего медленнаго убійцу и т. п., и т. п. Такое разсужденіе даже совершенно вѣрно, — какъ индивидуальное соображеніе; — оно только овно никому не годится, какъ социальная дѣя, — ибо социальною идея становится только тогда, когда она сохраняетъ смыслъ, и будучи приложена, какъ общее правило. Если же принять общимъ правиломъ, что всякій можетъ отнимать то, что ему кажется своимъ, и убивать всякаго, кто ему представляется его прямымъ или косвеннымъ убійцей, — тогда общество перестаетъ существовать. Индивидуально-насилованная расправа есть фактъ, съ котораго человѣчество начало и отъ котораго оно уходитъ постепенно къ высшему порядку — всеобщаго соглашенія. Вотъ почему человѣчество относится съ ужасомъ не только къ индивидуальной расправѣ, но и къ гражданской войнѣ (конечно, въ обществахъ, гдѣ есть какая либо свобода) даже начинаетъ ужасаться войны международной. Признаніе же правильнымъ приведеннаго соображенія было бы равносильно признанію войны каждая и всѣхъ противъ всѣхъ и каждого, — и сильношибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что та война осталась бы орудіемъ только одного общественного элемента, напр., пролетаріата, — а равно напрасно бы кто ждалъ, что сами сторонники этого пролетаріата не раздѣлились бы на враждебные лагеря, которые сами не начали бы ести взаимноистребительную войну. Въѣдъ прошлая исторія политическихъ убійствъ т. наз. „народныхъ расправъ“ научаеаь, что убіеніе „тирановъ и нечестивцевъ“, пороховые заговоры и адскія машины проповѣдывались и практиковались сакціонерами, напр., іезуитами, съ большимъ еще усердіемъ, чѣмъ прогрессистами, и что прогрессисты временъ французской революціи, начавъ, во имя самодержавнаго народа, расправы съ врагами свободы, кончили взаимнымъ истребленіемъ. То же настало бы, если бы современныя общества приложили теорію расправы самодержавной личности къ широкимъ сложнымъ областямъ социально-экономическихъ отношеній и къ борьбѣ за ихъ преобразование?! Не остались ли бы въ накладъ именно сторонники пролетаріата и особенно проповѣдники автономіи личности, ан-архисты?

Въ настоящее время въ западно-европейскихъ странахъ, въ родѣ Франціи, всякое, даже открытое (честное) вооруженное

возстаніе съ социалистическими цѣлями было бы очень вредно для интересовъ пролетаріата, такъ какъ крестьяне еще вовсе не подготовлены къ идеаламъ коллективизма и приняли бы сторону, или такъ или иначе поддержали бы консерваторовъ и реакціонеровъ. Усвоеніе же социалистами программы динамитно-кинжального парлефетизма и анархической расправы, — повело бы къ приложенію противъ нихъ такой государственной и волонтерской расправы, — при которой, благодаря теперешнему раздѣленію богатства и силы между разными общественными элементами, социалистамъ пришлось бы куда хуже, чѣмъ ихъ противникамъ.

Мы не станемъ, конечно, навязывать этихъ нашихъ соображеній лонскимъ подсудимымъ, — которые, быть можетъ, или даже навѣрно, отвергли бы всю нашу вышеизложенную аргументацію въ ея цѣломъ. Но нѣчто подобное ея сущности должно было представляться умамъ ихъ, когда они, излагая свои политико-соціальныя идеи, ограничились заявленіемъ своихъ общихъ гуманитарно-коллективистическихъ и либеральныхъ идей и воздержались отъ заявленія какихъ бы то ни было не только террористическихъ, но и сколько нибудь конкретныхъ революціонныхъ положеній, — каковое воздержаніе и служить намъ, въ числѣ другихъ аналогическихъ явленій, основаніемъ утверждать, что никакой партіи социалистическаго терроризма во Французской республикѣ теперь нѣтъ.

Конечно, у французовъ еще не исчезли привычки, развившіяся въ долгіе періоды всяческой диктатуры, а въ частности у французскихъ рабочихъ не прошло еще раздраженіе, оставленное бонапартовскимъ режимомъ и послѣдующимъ за нимъ усмиреніемъ парижской Коммуны; конечно, также, социально-экономическая эксплуатація и во Франціи способна вызывать частные случаи мести, въ которыхъ могутъ играть роль и динамитные картуши; наконецъ, и на французовъ должна вліять зараза ирландскаго и русскаго терроризма; но пока Франція не будетъ доведена въ націон.-соціальн. отношеніи до положенія Ирландіи, а въ политическомъ — Россіи, до тѣхъ поръ опасности образованія въ ней партіи систематическаго терроризма, динамитнаго парлефетизма и т. п. и не можетъ быть. Развѣт же политической свободы и самоуправления, все же подвигающееся впередъ въ послѣдніе годы во Франціи, даетъ здѣсь все болѣе естественныхъ кадровъ, въ которые законно укладывается движеніе къ экономической эмансипаціи пролетаріата. Не беремся предсказывать детали будущаго, но пока мы видимъ, что даже нынѣшнее, далеко не либеральное и не радикальное, министерство Французской республики, въ виду разнообразной агитаціи среди рабочаго класса (агитаціи, которая подробно разсматривается у насъ въ статьяхъ г. Жебунева), дѣлаетъ уступки требованіямъ организованныхъ рабочихъ группъ, по вопросу о рабочихъ син-

дикатахъ, о предоставленіи государствомъ и муниципіями подрядовъ рабочимъ ассоціаціямъ и т. п.

Какія же основанія имѣютъ извѣстные отечественные политическіе философы, реакціоннаго и социально-революціоннаго лагеря, говорить, будто Франція „русѣетъ“ въ ея политической системѣ и въ способахъ социалистической агитаціи и будто она доказываетъ несомѣстимость политической свободы и самоуправления то съ земскимъ миромъ, то съ интересами пролетаріата??

М. Драгомановъ.

УНИЧТОЖЕНІЕ НОВО-АЛЕКСАНДРІЙСКАГО ИНСТИТУТА.

Намъ передано для напечатанія слѣдующее письмо бывш. студента Ново-Александрійскаго института:

«Институтъ нашъ закрытъ, и я, въ числѣ 19 человекъ, исключенъ (вѣроятно, безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія). Сообщаю вкратцѣ причины этого погрома. На дняхъ пріѣхалъ въ Ново-Алекс. попечитель Варшавскаго учебнаго округа и своимъ грубымъ обращеніемъ со студентами вызвалъ волненіе и недовольство среди послѣднихъ. Когда студенты собрались 4 (16) марта въ аудиторіи и попросили попечителя выслушать ихъ нужды (а ихъ за послѣднее, тяжелое время — не мало), то онъ сначала не соглашался, бесѣдовать съ нами, но, наконецъ, явился и вмѣсто того, чтобы выслушать насъ, сталъ орать и кричать на студентовъ, требуя немедленно разойтись. Студенты, съ своей стороны, отвѣтили шумомъ и свистомъ. На другой день, 5 (17) марта, вывѣшено было въ коридорѣ института объявленіе, что чтеніе лекцій прекращено и 19 студентовъ (слѣдуютъ фамиліи) исключены. Тогда рѣшено было потребовать объясненія, почему всѣ тяжесты «недоразумѣній» должна пасть только на 19 человекъ, тогда какъ участіе въ немъ приняли почти всѣ студенты; притомъ между исключенными оказались двое, вовсе не участвовавшие. Само собою разумѣется, что попечитель объясненія никакого не далъ и студентовъ къ себѣ не допустилъ. Тогда толпа студентовъ направилась ко входу въ аудиторію; послѣдніе оказались запертыми на ключъ. Дружнымъ напоромъ выломлены были двери, и студенты собрались съ цѣлью потребовать выдачи всѣмъ документовъ. Но вскорѣ явилось войско и студенты должны были оставить институтъ. 7 марта вывѣшено было новое объявленіе (о томъ), что институтъ закрытъ и всѣ студенты приглашаются взять свои документы; въ противномъ случаѣ они (документы) будутъ высланы чрезъ полицію. Намъ же, исключеннымъ, документовъ не выдали, а отправлены они къ соответственнымъ губернаторамъ чрезъ полицію. Кромѣ того насъ заставили выѣхать изъ города въ продолженіе 48 часовъ. Вотъ какимъ образомъ и, неожиданно-негаданно, выброшены, какъ говорится, за бортъ. Послѣ «прѣшества», устроенаго «властною» рукой, предстоитъ еще мнѣ и многимъ изъ насъ—десерть въ видѣ отбыванія воинской повинности, не успѣвъ воспользоваться льготой, даваемой окончаніемъ высшаго учебнаго заведенія».

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что закрытіе Ново-Александрійскаго института сопровождалось исключеніемъ 129 студентовъ, въ томъ числѣ 54 прямо безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія (остальныхъ все равно не пустятъ разными косвенными способами). Изъ корреспонденціи въ № 15 женева Przewski'a узнаемъ, что осталось не исключенными только 14 человекъ!

Та же корреспонденція приписываетъ варшавскому попечителю заранѣе составленный умыселъ уничтожить институтъ, съ какою цѣлью онъ, — вообще, видно, человекъ гру-

бый, — нарочно раздражал студентов, вызывая их на скандал. Тотчас по приезде в Пулавы (Н. Александрия тож) г. Апухтин придрался к встреченному студенту Н. по поводу его украинской рубашки и приказал удалить его из института. Затѣм сходил к студентам г. А. грубым образом хотѣлъ выгнать «вошь», — и, конечно, добился скандала. Вѣсти этой о предварительном умыслѣ г. Апухтина тѣмъ болѣе есть основаніе вѣрить, что официальный «Кіевлянинъ» уже разсуждаетъ о «временно закрытомъ» институтѣ, какъ о закрытомъ окопчательно.

И такъ еще однимъ реальнымъ заведеніемъ въ Россіи будетъ меньше, — независимо отъ того, что еще добрая сотня молодыхъ людей обращена въ о т щ е п е н ц ы! Не посовѣтуетъ ли г. Катковъ выслать ихъ, какъ «зачумленныхъ», на Сахалинъ? Пока, впрочемъ, шестеро изъ нихъ, — какъ извѣщаетъ «Przedświt», — уже заперты въ варшавскую цитадель, какъ обвиняемые, во первыхъ, въ сношеніяхъ съ варшавскими социалистами, во вторыхъ, въ разнхъ «студенческихъ» нелегальностяхъ, какъ, напр., содержаніе кассы взаимной помощи, изданіе «тайнаго» студ. журнала, основаніе «кружка для распространенія народнаго образованія»!!!

Корреспондентъ «Przedświt'a» указываетъ, какъ на особенность пулавскаго дѣла, — на «солидарность (для многихъ неожиданную) польскихъ студентовъ съ русскими». Явленію этому, отъ котораго корреспондентъ ждетъ расширенія солидарности между революціоннымъ движеніемъ польскимъ и русскимъ, нельзя бы было не порадоваться вмѣстѣ съ корреспондентомъ, если бы не то обстоятельство, что между русской молодежью и революціонерами ходятъ нѣкоторыя идеи, ошибочныя по сущности ихъ и, между прочимъ, вредныя для всякаго освободительнаго (политическаго, какъ и социальнаго) движенія. — и къ которымъ прежде мало были склонны поляки, но крайней мѣрѣ въ Царствѣ Польскомъ. Къ числу такихъ идей принадлежитъ мысль о полезности студенческихъ волненій для революціоннаго дѣла, а также мистическій культъ «народа». Мы имѣли случай передать извѣстія изъ Варшавы о томъ, что тамошніе студенты поляки не сочли нужнымъ поднимать «студенческое движеніе» въ прошломъ году, и напомнили по этому поводу, какъ въ 1862—1863 г. варшавскій «жондъ народныхъ» посовѣтовалъ тамошнимъ студентамъ отложить свою активную службу отечеству до окончанія ими приготовленія къ ней въ школѣ. Редакція «Przedświt'a» (№ 12), сообщая о прошлогоднихъ волненіяхъ въ русскихъ университетахъ, замѣтила отъ себя, что они «не имѣютъ и не могутъ имѣть непосредственной связи съ эмансипаціей рабочихъ классовъ». Теперь корреспондентъ этой газеты въ 15 №-рѣ заявляетъ по этому поводу особое мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, послѣ замѣчанія, что намъ нельзя сентиментально относиться къ количеству молодыхъ жертвъ реакціи, — говоритъ: «это все, можетъ быть, факты печальные, но въ послѣдствіяхъ своихъ для борьбы съ деспотизмомъ желательные. Насколько революціонизованная преслѣдованіемъ молодежь станетъ у насъ подъ знамя социалистическаго движенія, это останется не безъ пользы для него, такъ какъ въ нашихъ приготовительныхъ работахъ силы интеллигентныя могутъ намъ еще оказать немалыя услуги. Завтра рабочій элементъ неизбежнѣйшимъ образомъ отодвинетъ ихъ на дальній планъ, но сегодня еще онѣ очень много имѣютъ сдѣлать...» Какъ будто между трудомъ и интеллигенціей есть и можетъ быть принципиальная разниа, и какъ будто даже приготовительная работа по организаціи социальнаго движенія не могла бы лучше, если бы въ ней приступали «интеллигентныя силы» зрѣлыя и доученныя!?

Впрочемъ, что жъ? — и эти разсужденія корреспондента—своего рода «обрусеніе». Гг. Апухтины, которые такъ заботятся объ обрусеніи поляковъ, должны быть довольны ими!

Р. С. Въ послѣднюю минуту мы получили двѣ корреспонденціи о Н.А. дѣлѣ. До сгѣд. №-ра.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

VII.

Разсмотрѣвъ общія условія, какими бюрократія успѣла обставить земскія учрежденія, а равно и мѣры, придуманныя бюрократіей для отнятія у земствъ средствъ къ удовлетворенію нуждъ населеній, мы должны бросить взглядъ на дѣятельность земскихъ учреждений для удовлетворенія этихъ нуждъ и посмотрѣть, на сколько бюрократія помогала этой дѣятельности. Мы избираемъ для примѣра одну область земской дѣятельности — народное образованіе, на которомъ всего ярче можно видѣть и земскую работу, и чиновническое бездѣйствіе для добра при ревности въ пренятствіяхъ къ земской работѣ.

Пускаться въ подробности объ этой работѣ намъ нѣтъ надобности, между прочимъ, и потому, что во внутренней русской литературѣ есть обстоятельные обзоры дѣятельности земства по народному образованію, — напр., труды бар. Н. Корфа въ «Вѣстникѣ Европы», гг. Миропольскаго и Скалона въ «Русской «Мысли» и т. п. Элементарная, собственно народная, школа въ Россіи есть всецѣло созданіе земства. До введенія земскихъ учреждений сельскихъ школъ въ Россіи почти не было, какъ это признавало при началѣ дѣйствія земскихъ учреждений и само правительство, — въ отчетѣ мин. нар. просвѣщенія въ 1866 г. Да что такое народное образованіе и теперь, послѣ всѣхъ толковъ о немъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учреждений, гдѣ, значитъ, забота объ этомъ дѣлѣ лежитъ на чиновникахъ, показываютъ цифры, — которыя заимствуемъ изъ статьи проф. Владимірскаго-Буданова «Народное образованіе въ Киевскомъ учебномъ округѣ» (Педагогич. Музей, 1879, Январь).

Какъ извѣстно, кіевскій уч. округъ раздѣляется двѣма частями, — изъ коихъ восточная: Черниговская и Полтавская губ., — земскія, а западная: Киевская, Подольская и Волынская, — чисто чиновничья. И что жъ? — по даннымъ 1877 г. число учениковъ нар. школъ относительно общаго числа населенія представляется въ такомъ видѣ:

въ Полт. губ.	1 учен.	на 85 чел. жит.
» Черниг.	1 »	» 86 »
» Волынск.	1 »	» 147 »
» Подольск.	1 »	» 232 »
» Киевской	1 »	» 285 »

Можетъ ли быть, что либо краснорѣчивѣе этихъ цифръ, по которымъ, какъ нарочно, самая безграмотная въ округѣ губернія, слѣпкомъ въ три раза менѣе грамотная, чѣмъ губернія земскія, оказывается именно та, въ которой сидитъ областной центръ бюрократіи?!

Характернымъ является и то обстоятельство, что бюрократы, составившіе земское Положеніе, зачислили земскіе расходы, по на-

*) Напоминаю читателямъ цифры количества школъ, принятыхъ земствомъ отъ бюрократіи и открытыхъ земствомъ, въ Земской Хроникѣ, № 57 «Вольнаго Слова». Напоминаю также, что въ лѣвобережныхъ украинскихъ губерніяхъ число школъ въ XVIII ст. было больше даже, чѣмъ теперь, и что русское министерство и пр. начало съ того, что уничтожило ихъ. (Ред.)

родному образованію, въ рядъ расходовъ обязательныхъ! Последнее обстоятельство, впрочемъ, имѣло не только дурную, но и свою хорошую сторону. Дурная сторона была въ томъ, что расходы на столь важный, можно сказать, самый важный предметъ земства, обремененнымъ расходами, признанными за обязательные, приходилось дѣлать изъ остатковъ, часто изъ крохъ своего бюджета. Хорошая была въ томъ, что правительство, признавшее дѣло народнаго образованія для земства необязательнымъ и само о немъ все таки не заботящееся, какъ бы пообѣщало, что оно не будетъ вмешиваться въ это дѣло. И дѣйствительно, на нѣкоторое время правительство, издавши Положеніе объ училищахъ 1864 г., которое устанавливало нѣсколько странный и разношерстный составъ училищныхъ совѣтовъ уѣздовъ, съ нѣкоторымъ участіемъ въ нихъ земскихъ людей, — зашло, забыло о народныхъ школахъ, — на какое забвеніе, при дѣятельности земскихъ учреждений, могло только послужить имъ на пользу.

Земства принялись за дѣло народной школы, если не вездѣ съ одинаковымъ, то во всякомъ случаѣ съ безспорнымъ усердіемъ. Земство выстроило зданія для народныхъ школъ озаботилось подготовкою несуществовавшей прежде спеціальной персонала нар. учителей, открывая для этого педагогическіе классы и временные курсы при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, полныя учительскія семинаріи; земство стало заводить школы передвижныя, бібліотекы и книжныя склады при школахъ, спеціальныя школы ремесленныя и сельско-хозяйственныя; земство же начало опыты учреждений, обезпечивающихъ быть учителямъ, — какъ, напр., ихъ пенсіонныя кассы и т. п., и т. п. Изъ земства выдвинулись или къ нему примкнули люди, которые сдѣлали изъ труда для народнаго образованія свою спеціальность и приобрѣли имъ почетную извѣстность.

При самыхъ трудныхъ условіяхъ земство не забывало «необязательнаго» для него дѣла народнаго образованія. Такъ, напр., самарское уѣздное земство ассигновало на народное образованіе 13.000 р. даже въ голодный 1873 годъ; такъ, екатеринославская губ. управа въ отчетѣ за 1876 г. засвидѣтельствовала, что «крайне неблагоприятное экономическое положеніе губерніи въ отчетномъ году не повліяло на уменьшеніе источниковъ къ дальнѣйшему развитію народнаго образованія; что не только земства, но и сельскія общества отнесли весьма сочувственно къ устройству народныхъ школъ, отзываясь отъ содержанія ихъ только въ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ случаяхъ. Это доказывается цифрою почти 200.000 р. затраченныхъ земствами и сельскими обществами въ отчетномъ году на народное образованіе въ губерніи». Расходы земства собственно на народное образованіе скоро въ нѣсколько разъ обогнали расходы на это дѣло по сударства, которое, конечно, имѣя спеціальное министерство, громко называемое министерствомъ народнаго просвѣщенія, не считало дѣла этого образованія необязательнымъ для себя.

Въ 1878 г. земства въ 33 губ. израсходовали на народныя школы 4.419.998 руб.

между тѣмъ какъ министерство народнаго просвѣщенія и теперь даетъ на это дѣло только 1.688.217 р. на всю Россію, считая въ томъ числѣ и расходы на инспекцію 319 т. рубл. При этомъ оказалось одно, въ высшей степени характеристическое, обстоятельство, которое внушаетъ самыя свѣтлыя надежды на будущность самоуправленія въ Россіи, если оно будетъ введено на началахъ безцензовыхъ, не только единственно справедливыхъ, но и единственно подходящихъ къ естественнымъ условіямъ нашей страны, — а именно оказалось, что крестьянство въ земствѣ не только не было тормазомъ для школьнаго дѣла, но служить самымъ горячимъ его двигателемъ. Наибольшую ревность къ этому дѣлу отличились съ самаго начала открытія земствъ губерніи и уѣзды восточной полосы съ наиболѣе мужицкимъ составомъ своихъ членовъ: напр., земства Вятской и Пермской губерній, или земства недворянскихъ Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ Самарской губерніи. Въ послѣдней, наприм., земское представительство по официальному росписанію распределяется такъ: въ Самарскомъ уѣздѣ гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ — 29, отъ города — 9, отъ сельскихъ обществъ — 21; въ Ставропольскомъ уѣздѣ: отъ землевладѣльцевъ — 29, города — 3, сельскихъ обществъ — 26; въ Новоузенскомъ у.: отъ землевладѣльцевъ — 7, города — 4, сельск. общ. — 11; въ Николаевскомъ: отъ землевлад. — 24, отъ города — 4, отъ сельск. общ. — 28. Число же народныхъ школъ по этимъ уѣздамъ является въ такомъ видѣ: въ Ставроп. уѣздѣ — 28, въ Самарскомъ — 62 (въ томъ числѣ собственно земскихъ только 55), въ Новоузенскомъ — 85, въ Николаевскомъ — 108. (См. таблицу при «Земскомъ Ежегодникѣ» за 1877 годъ). По относительному количеству денегъ, ассигнованныхъ земствами на народное образованіе, недворянскія губерніи Вятская и Пермская и до сихъ поръ занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Такъ въ 1873 году въ первой затрачивалось 10 коп., на человѣка, а во второй 9½ (выше только въ Смоленской и Таврической по 12½ и въ Херсонской — 13 к., изъ коихъ въ первой къ 1878 г. затрата упала на 5 коп., а въ Херсонской на 10 к.), а въ 1878 г. въ Вятской губ. — 16 к., въ Пермской — 18 коп. (выше только въ Таврической, — весьма демократической по составу своихъ гласныхъ, — 19 к.). Для сравненія напомнимъ, что, напр., въ архидворянской Московской губерніи въ 1873 г. земствомъ затрачивалось на этотъ предметъ 6 к. на человѣка, а въ 1878 г. 9½; въ Петербургской губ., въ которой между землевладѣльцами столько титулованныхъ и сановныхъ именъ, — въ 1873 г. затрачивалось по 4½ к., а въ 1878 по 7¼. (См. данныя «Земскаго Ежедневника» за 1877 г.; а также въ «Отечеств. Запискахъ» 1880 г., № 1, — Итоги земскихъ затратъ для народнаго образованія въ 1878 г.). Выстъ съ тѣмъ земства губерній съ преобладающимъ или относительно большимъ крестьянскимъ элементомъ въ составѣ гласныхъ не ограничиваются расходами на одно элементарное образованіе, а даютъ равномерно средства и на среднія школы, а равно и на стипендіи въ высшихъ, между тѣмъ, какъ во многихъ

земствахъ, гдѣ преобладаетъ представительсто крупной, дворянской собственности, мы видимъ нерѣдко противоположное явленіе, доходящее иногда до явной эксплуатаціи земскихъ средствъ въ пользу высшихъ сословій, объ образованіи которыхъ и такъ преимущественно заботится государство (напомнимъ, что у насъ бюджетъ министерства Народн. Просвѣщенія и до сихъ поръ распределяется такъ, что, по росписи на 1882 г., на высшія школы ассигновано 2.806.000, на гимназій, реальн. учил. и т. п. уч. заведенія 7.700.000, а на народныя училища собственно съ приходскими только 1.922.000 (въ круглыхъ цифрахъ); мы не считаемъ немалыхъ расходовъ другихъ министерствъ на школы, которыя воспитываютъ почти исключительно дѣтей высшихъ классовъ). Такъ, напр., Сумское земство (30 гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 12 отъ города и 19 отъ сельскихъ обществъ) устроило гимназію, которая обошлась въ 300000 р. и въ которой половина учениковъ изъ другихъ уѣздовъ, а отказывало ходатайствамъ крестьянъ объ улучшеніи и открытіи народныхъ школъ. Въ 1879 г. оно ассигновало, наконецъ, 12.000 р. на нар. школы, но на гимназію дало 15.000 р. Брлинское земство въ 1878 г. дало на среднія заведенія 20,563 р., а на народныя школы только 4.600 р. и т. д. и т. д. Нѣкоторые дворянскія земства назначали на народныя школы истинно смѣхотворныя суммы: напр., въ 1877 г. кишиневское уѣздн. земство только 650 р. при общемъ расходѣ въ 74.000 р., одоевское, Тульск. губерніи, 300, сычевское, Смол. губерніи, и змиевское, Харьковской губ., только по 100 р. Въ 1874 году одесская уѣздная управа доносила, что ученики ломаютъ въ школы, а земство (20 крупныхъ землевладѣльцевъ, 7 горож., 13 отъ сельскихъ обществъ) ассигновало только 3000 р., между тѣмъ какъ оно отпустило 31,794 рубл. на покупку игральныхъ картъ, правда, для коммерческихъ операцій. Но вообще, не смотря на всѣ неровности, земство, какъ мы видѣли, сдѣлало для народнаго образованія не мало, во всякомъ случаѣ много больше министерства народнаго просвѣщенія, — такъ что, если бы послѣднее только не мѣшало земству, то и тогда стѣжало бы себѣ глубокую благодарность современниковъ и потомства.

Къ сожалѣнію, петербургскіе бюрократы не пожали и этой благодарности, а поставили себѣ цѣлью, и, очевидно, съ полнымъ сознаніемъ, слѣпо возможно, помѣшать земству въ столь важномъ для нашего безграмотнаго отечества дѣлѣ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, прежде всего само Положеніе о земск. учрежденіяхъ дало имъ на это возможность, а потомъ всяческій его искаженія, испрошено, и у верховной власти. Положеніе это, по обыкновенію, заключаетъ въ себѣ эластическую фразу о томъ, что земству предоставлено «участіе въ попеченіи о народномъ образованіи преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ определенныхъ» (§ 69, VII). Бюрократія стала толковать эту фразу такъ, что земство-де только можетъ давать деньги на народное образованіе, не претендуя ни на какое руководство этого дѣла, ни даже на контроль хода его, и подчиняясь всякому чиновническому фантазі-

ямъ, выдаваемымъ за законныя опредѣленія. Въ такомъ родѣ опредѣлило роль земства министерство гр. Толстого, тотчасъ послѣ вступленія въ должность этого министра, котораго правленіе отмѣчено будетъ глубокимъ трауромъ въ русской исторіи. Какъ извѣстно, гр. Толстой сталъ министромъ народнаго просвѣщенія послѣ покушенія Каракозова, когда въ придворныхъ кругахъ окончательно восторжествовало реакціонное направленіе, которое, какъ водится, думало спасать Россію отъ революціи посредствомъ аристократизма и клерикализма. Если это направленіе и согласно было терпѣть мужицкую школу, то не иначе, какъ въ рукахъ духовенства. Гр. же Толстой принялъ министерство, сохранивши оберъ-прокурорство въ Св. Синодѣ, который поставилъ вопросъ о школахъ въ связи съ вопросомъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства. Новый министръ представилъ перепуганному государю свои соображенія о народномъ образованіи, основанія которыхъ отчасти были опубликованы въ Журналѣ Мин. Народнаго Просв. за 1867 г., № 1, и въ которыхъ самымъ интереснымъ былъ докладъ о томъ, отъ какого зла предохранить Россію этотъ министръ, остановивши предположеніе его предшественника объ открытіи учительскихъ семинарій. Специально подготовленные учителя народныхъ школъ признаны были министерствомъ не только ненужными, но даже вредными, вслѣдствіе возможности для нихъ развиться нигилизмомъ, — а вмѣсто ихъ признаны были достаточными и естественными учителями священники, а особенно кандидаты на священническія должности, окончившіе курсъ семинаристы и псаломщики. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство опредѣлило, что роль, какъ его самого, такъ и земства, по отношенію къ народнымъ школамъ, должна ограничиваться доставленіемъ духовенству матеріальныхъ средствъ на эти школы.

Весь этотъ планъ, какъ и придворный клерикализмъ, на поддержку котораго онъ разсчитывалъ, совершенно не сообразовался не только съ интересами образованія вообще, но и со всѣми условіями русской сельской жизни и, конечно, съ видами представителей земства, знакомыхъ съ этой жизнью, и, что всего интереснѣе, съ стремленіями самихъ крестьянъ, — которые, при всемъ желаніи, чтобы дѣти ихъ умѣли читать отъ «божественнаго», все такъ высказывались, — между прочимъ, и въ земскихъ собраніяхъ, противъ предоставленія школъ въ вѣденіе духовенства, такъ какъ предвидѣли, на основаніи опытовъ, что въ такомъ случаѣ никогда школъ у нихъ собственно не будетъ, а будетъ только новое вымогательство у нихъ и денегъ и труда ихъ дѣтей на священническомъ хозяйствѣ. Опыты, сдѣланные земствомъ сначала въ Александр. у., Екатеринос. г., а потомъ во многихъ другихъ мѣстахъ, доказали до очевидности всѣмъ, кромѣ С.-Петербургскаго и Московскаго Faubourg S. Germain, что духовенство наше, за немногими личными исключеніями, которыхъ мы не станемъ отрицать, не имѣетъ ни подготовкы, а главное, ни охоты, ни времени заниматься обученіемъ въ народныхъ школахъ даже Закону Божію (многочисленные указанія объ этомъ предметѣ приведены, между прочимъ, въ статьѣ г. Скалона «Духовенство и Народная Школа», въ «Русской Мысли» 1882

года, Октябрь). Поэтому планы гр. Толстого, возобновленные теперь г. Побѣдоносцевым, относительно предоставленія народных школъ въ руки духовенства, сводятся прямо къ фактическому уничтоженію мужицкаго просвѣщенія, — и у гр. Толстого, вообще довольно хорошо ознакомленнаго съ нашимъ духовенствомъ, эти планы, заявленные въ 1866—1867 гг., были ничѣмъ инымъ, какъ сознательнымъ планомъ такого уничтоженія въ угоду крѣпостникамъ, восторжествовавшимъ въ высшихъ сферахъ послѣ Каракозовскаго покушенія.

Нѣсколько лѣтъ министерство гр. Толстого боролось съ земствами по вопросу объ учительскихъ семинаріяхъ, учрежденіе которыхъ оно старалось всячески не допустить (иные, напр. Полтавская, такъ не открыты до сихъ поръ). Когда же, благодаря прусскимъ побѣдамъ, всю Европу облетѣла фраза о томъ, что побѣды эти доставилъ не столько гр. Мольтке, сколько «прусскій школьный учитель», и когда удерживать долѣе открытіе учительскихъ семинарій въ Россіи стало невозможнымъ даже и для гр. Толстого, тогда онъ постарался по крайней мѣрѣ отнять ихъ изъ рукъ земствъ, которыя дали на нихъ средства. Отсюда произошелъ новый рядъ столкновеній министерства съ земствомъ и всяческихъ интригъ со стороны перваго, которыя кончились между прочимъ закрытіемъ черниговской земской семинаріи.

Но въ первый періодъ борьбы министерства съ земскими начинаніями въ пользу народнаго просвѣщенія, хоть и ставились преграды расширенію школьнаго дѣла, но по крайней мѣрѣ существовавшія уже народныя школы могли дѣйствовать болѣе или менѣе безпретѣсно. Тому отчасти помогало дѣйствіе Положенія о народныхъ училищахъ 1864 г., — собственно странный компромиссъ между бюрократическимъ принципомъ, клерикальными попонизованіями и интересами земской школы, — по которому, по сравненію съ послѣдующими узаконеніями, а особенно Положеніемъ 1874 г., земства теперь вспоминаютъ съ сожалѣніемъ. Положеніе 1864 г., устроившее губернскіе и уѣздные училищныя совѣты изъ представителей вѣдомства нар. просвѣщенія, минист. внутреннихъ дѣлъ, земствъ (по два члена), а въ уѣздахъ — и городовъ (по одному чл.) съ председательствомъ въ губернскомъ совѣтѣ архіерея, — передавало реальное завѣдываніе нар. школами въ руки уѣздныхъ совѣтовъ, въ которыхъ председатели были выборные и въ которыхъ два члена отъ земства среди уѣздныхъ чиновниковъ съ однимъ духовнымъ могли стать фактическими распорядителями народныхъ школъ, какими они и были тамъ, гдѣ въ эти представители попадали люди просвѣщенные и преданные дѣлу. Эти то люди, изъ которыхъ иные извѣстны и литературы, и были основателями народнои школы въ Россіи.

Въ 1869 г. учреждены были инспектора нар. училищъ по одному на губернію. Въ 1871 г. министерство нар. просвѣщенія подкалываетъ Положеніе 1864 г. посредствомъ Инструкціи этимъ повозаведеннымъ инспекторамъ народныхъ школъ. По инструкціи этой, инспекторамъ между прочимъ предоставлено самодержавное право надъ учителями и наставниками, право устраниать ихъ съ дове-

деніемъ о томъ до свѣдѣнія подлежащаго вѣдомства или лицъ, отъ которыхъ зависитъ окончательное ихъ увольненіе (§ 10), — а по отношенію къ училищнымъ совѣтамъ они поставлены въ положеніе своего рода прокуроровъ, которые могутъ остановить всякое рѣшеніе совѣта съ перенесеніемъ дѣла на усмотрѣніе въ высшую инстанцію попечителя округа. Новый «институтъ» школьныхъ урядниковъ не замедлил показать себя на дѣлѣ, — и уже въ 1873 г. послѣдовало, по представленію одного изъ нихъ, г. Дружинина, закрытіе земской техн. школы въ Ржевѣ, — за неисполненіе земской управой требованія попечителя объ исключеніи обнесенныхъ г. Дружининымъ учениковъ, изъ которыхъ «одного вообще и не было въ школѣ, одинъ самъ уволился, а три другіе послѣ обещанія ихъ г. инспекторомъ, — который самъ ни разу не присутствовалъ въ засѣданіяхъ совѣта школы, — отличались хорошимъ поведеніемъ, а одинъ выказалъ даже хорошія способности» (Записка тверск. губ. упр. о нуждахъ нар. образованія, въ Протокъ зас. губ. земства, 1880). Еще выше поставленъ бюрократическій элементъ въ народномъ образованіи по новому Положенію о нар. училищахъ 25 мая 1874 г. Но между изданіемъ этого Положенія и Инструкціей 1871 г., которой оно служить дальнѣйшимъ развитіемъ, послѣдовалъ законодательный coup de théâtre, какіе бывають только въ Россіи, при ея особенной патріархально-бюрократической формѣ самодержавія, — и на которые жаловался даже самодержавный императоръ Александръ I, называя ихъ *les surprises des oukazes* (подсовываніе указовъ) со стороны министровъ и другихъ приближенныхъ къ трону.

Мы разумѣемъ Высочайшій рескриптъ министру нар. пр. 25 Декабря 1873 г.

(Окончаніе слѣдуетъ). **З. С.**

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

V. Письмо А. И. Герцена къ Ю. О. Самарину.*)

27 Февраля 1845. Москва.

И такъ, наконецъ, отъ васъ письмо и при томъ большое, любезнѣйшій Юрій Федоровичъ, — благодарю васъ, — но не скрою, что впечатлѣніе всего письма было грустное.

Encore une étoile qui file et disparaît!

Прощайте. Идите инымъ путемъ; — мы не встрѣтимся какъ попутники, — это вѣрно. Возражать я вамъ не стану, потому что это лишнее; одинъ Хомяковъ спорить для спору; для него жизненнѣйшіе вопросы только предметы для разговора; — для меня не такъ. Замѣчу одно: на чемъ вы основываете, отталкивая отъ себя отрицаніе, — что въ немъ нѣтъ любви? Любви съ обѣихъ сторонъ (я исключаю закраины эгоистическія и скверныя съ той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мнѣ жалъ и больно, что именно вы пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ славяноф., — исключая, можетъ, Петра Вас. (я возвращусь еще къ нему **); отдаленіе такого чловѣка, какъ

*) Это письмо, какъ и слѣдующее, было въ рукахъ послѣдниковъ Ю. О. Самарина, напечатанныхъ въ «Руси» перенеску обоимъ дѣятелей, — по обоимъ письма эти не были помѣщены въ «Руси». М. Д.

**) И. В. Кирѣвскаго. М. Д.

вы, больно, — потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. — Вы вызываете меня на борьбу. Это то и дурно, что вы хотите бороться съ другимъ личнѣмъ, а не съ другимъ фактомъ. Мнѣнія прямо противоположныя формальнымъ выраженіемъ — могутъ быть сняты высшимъ единствомъ нравственности и любви, тождествомъ дѣла — стремленіемъ въ благо. И такъ не ждите отъ меня возраженій; что я могу вамъ сказать? повторить коротко все, что высказано и поэтами, и мыслителями, и историками нашего времени, поднятъ вопросъ о чинѣ положеніи и чиноснаніи, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго? — вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну, что же я прибавлю? — Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противоположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ друга. Дайте вашу руку, — мы можемъ узнать о щечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, и потому не отвернемся другъ отъ друга. — Мы не видимся болѣе съ Аксаковымъ *), но я съ тѣлой любовью вспоминаю объ немъ, хотя не могу не сказать, что его односторонность, вѣчно повтореніе одного и того же свидѣтельствуеетъ о недостаткѣ объема его мысли. Теперь позвольте (основываясь на томъ же правѣ искренней рѣчи, о которомъ вы пишете) вамъ сказать нѣсколько словъ о Славянской партіи. Съ каждымъ днемъ грузится она въ жалкую, ненавистную и готовую преслѣдовать односторонность. Наконецъ ея дѣйствія увидѣла публика и общественный голосъ осудилъ ее. Я говорю о диссертациі Грановскаго. Рядъ гнусныхъ продѣлокъ предшествовалъ диспуту, наконецъ, на диспутѣ явился Бодянский — дерзко, недликатно, съ оскорбленіями и колкостями; его проводили шикашемъ, а равно и Шевырева (который низокъ, какъ Давыдовъ; онъ это доказалъ); Грановскаго проводили страшными браво. — Теперь благородный Шевыревъ рассказываетъ, что все это было подготовлено. Всѣ Славяне (исключая Петра Вас. и Акс.) наперерывъ стараются очернить студентовъ, представить это дѣломъ уголовнымъ, Шевыревъ жаловался на это Строгонову у Васильчиковыхъ на балу. — Судите сами!

Диссертациі Гр., стихи Языкова **), — ноль опанизма и вліянія Хомякова, — заставляютъ меня окончательно пожертвовать всѣмъ личнымъ снотеніемъ. Жаль мнѣ Ивана Вас., по ту l'a voulu, G. Dandin, — у него по Средамъ теперь и Глинка, и М. Дмитріевъ. Раздраженное самолюбіе, сознание своего безсилія, интрижки, — все это вмѣстѣ окончательно сорвало личину съ хваленной Славянской любви. Никогда никто изъ насъ не прибѣгалъ къ такимъ средствамъ и не говорилъ такихъ вещей, какія я слышалъ въ послѣднее время. И потому пишу вамъ объ этомъ, что вашъ братецъ сказалъ мнѣ, что оказалъ вѣрную, хочу пользоваться ею, чтобы предупредить слухи, которые могутъ дойти. — Петръ Вас. далеко благороднѣе; это тригическое лицо; онъ сочетаетъ неразрывно жизнь свою съ былымъ, онъ видитъ все, о чемъ я писалъ вамъ, — и это былое возро-

*) Константинъ Сергѣевичемъ. М. Д.

**) Противъ личностей «западниковъ». М. Д.

денное въ немъ, бичуется не только обстоятельствами, но даже людьми, дѣлящими его воззрѣніе. — А еслибъ вы видѣли благородную кротость, самоотверженіе (да, въ этомъ высое сомоотверженіе публично умѣть съ кротостью принять наглую дерзость, кабацкой тонъ) Грановскаго, вы согласились бы, что любовь совмѣстима и не съ вашимъ воззрѣніемъ.

— Можетъ, они интригами и вздуютъ изъ этого дѣло, можетъ, Гр. долженъ будетъ оставить Унверситетъ. Я не завидую имъ въ этой побѣдѣ! — Благородно держите себя семейство Дм. Ник. въ этихъ передрыгахъ. Кат. Ал. перестала ѣздить къ поэту—демоніатору. Почтенный Вигель ѣздитъ вездѣ и читаетъ до сихъ поръ блестящіе стихи. У «Москвитянина» 400 съ чѣмъ то подписчиковъ. Вотъ вамъ все, что дѣлается въ Москвѣ, да при томъ честное слово, что я не старался представить хуже, чернѣе. —

Прощайте, вы меня очень одолжите, доставивши приложенную записку Кетчеру, если вы знаете, гдѣ онъ живетъ, или его брату въ Медицинскій Д-тъ. Но только позвольте васъ просить сдѣлать это лично или черезъ вѣрнаго человѣка, буде же затруднить васъ эта просьба—сожгите ее.

Весь вашъ А. Г.

Р. С. Письмо къ Кетчеру посылаю особо именно съ (зачеркнуто). Прощайте.

44 годъ ниже 45, хотя и веселѣе былъ.

VI. Письмо Ю. О. Самарина къ А. И. Герцену.

Москва, Май 9, 1858.

Прежде всего, обнимаю Васъ искренно и крѣпко жму Вамъ руку. Спасибо Вамъ за многое. Дѣло Ваше начало займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. «Колоколъ» — это теперь единственный голосъ, къ которому прислушивается правительство. Оно справляется съ нимъ, какъ порядочный человѣкъ справляется съ своею совѣстью. «Колоколъ» заботится для правительства совѣтъ, которой (ему) по штату не полагается, и общественное мнѣніе, которымъ (оно) пренебрегаетъ. Вы теперь, по своему положенію, пользуетесь монополиею свободнаго слова. Вы можете говорить все, а возражать Вамъ никто не можетъ. — Это такая же привилегія, какъ та, которою пользуются казенныя изданія; вся разница въ Вашу пользу. Печатный листъ, выходящій подъ фирмою двуглаваго орла, заподозрѣвается общественнымъ мнѣніемъ ради одной этой вывески. Напротивъ запрещеніе, наложенное на изданіе, располагаетъ читателей къ сочувствію и довѣрію. Поэтому отъ Васъ болѣе чѣмъ отъ кого либо мы въ правѣ требовать безпристрастія, правдивости и строгой добросовѣстности. Я увѣренъ, что вы признаете законность этого требованія и можете его выполнить; иначе я не сталъ бы писать къ Вамъ этого письма.

Къ дѣлу.

Въ предисловіи къ запискамъ Даниковой и въ другихъ Вашихъ изданіяхъ, вы не разъ называли Незабвеннаго главою такъ называемыхъ славянофиловъ или старовѣровъ — что по Вашему одно и то же, а насъ друзьями его и сознательными поборниками его системы.

Я согласенъ, что слить выѣстъ Николая

съ славянофильскою партіею и приготовить публику видѣть и ненавидѣть въ ихъ проявленіи одного принципа можетъ быть не бесполезно для успѣха противной партіи; но такъ какъ это не правда, то пора бы бросить это оружіе. — Именно Вамъ неприлично употреблять его. Николай глава и покровитель славянофиловъ! Свой человѣкъ! Нечего сказать: очень онъ былъ добръ для насъ и много мы отъ него видѣли ласки. Переберите въ своей памяти исторію каждаго изъ насъ, начиная хотя съ 1847 года. Чижева жандармъ схватилъ на границѣ и повезъ къ Дунельту; отсюда его выпустили, запретивъ ему печатать чтобы то ни было*). Иванъ Аксаковъ сидѣлъ въ III-мъ отдѣленіи; потомъ, послѣ службы своей въ ополченіи, обойденъ былъ чиномъ, на который онъ имѣлъ право по закону, благодаря стараніямъ просвѣщеннаго человѣка, гр. С. Г. Строгонова, который указывалъ на него какъ на вреднаго человѣка, развращающаго ратниковъ. Я сидѣлъ въ крѣпости и отсюда посланъ былъ на исправленіе къ Вибинову въ Кіевъ**). Наше изданіе, Московскій сборникъ, было запрещено. Съ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ взята подписка ничего не печатать, помимо главной цензурной инквизиціи, что, какъ Вамъ извѣстно, равняется безусловному запрещенію печатать. По цензурному вѣдомству и по III отдѣленію вышло болѣе 10 циркулировъ, въ которыхъ славянофилы выставляются какъ опаснѣйшіе враги правительства. Между тѣмъ, «Отеч. Записки» и «Современникъ» издавались безъ перерывовъ, очень свободно; вы въ нихъ печатали «Кто виноватъ» и «Письма объ изученіи природы»; Вѣстникъ проповѣдывалъ социализмъ и никто его не трогалъ. Грановскій и Кудрявцевъ читали лекціи до самой своей кончины;

*) Впрочемъ, только безъ цензуры III отдѣленія. (См. письмо Чижева въ «Кіевской Старинѣ» 1853, III, 850). М. Д.

**) Печатно, Самаринъ рассказываетъ въ 1867 г. эту исторію слѣдующимъ образомъ: «Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малаго три года въ Ригѣ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ того (Остзейскаго) края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ влияніемъ раздражительныхъ впечатлѣній и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: по тогдашнимъ понятіямъ, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней въ крѣпости, поступилъ со мною (опять такъ по тогдашнимъ понятіямъ) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій вышенаго управленія, не могъ пазбыгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренно и намѣреніи провинившагося остались незаподозрѣваемыми. Едва ли нужно прибавлять, что я вполнѣ теперь объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ: я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать примолвующую рѣчь его и унести въ память, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица, неожиданно передо мною явившагося, въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія...» (Окраины Россіи. Вып. I, 1—2). Недавно съ такою же благодарностью говорилъ о своей легкой карѣ (временной высылкѣ въ деревню за рѣчи въ славянскомъ комитетѣ) другой «славянинъ», Н. С. Аксаковъ. М. Д.

Коршъ издавалъ «Московскія Вѣдомости» подъ двуглавымъ орломъ; Яшевскій получилъ кафедру, Чичеринъ получилъ, когда захочетъ, Кавелинъ — въ добрый часъ будь сказано, — читаетъ лекціи будущему императору.... Скажите на радость, кто же во авантажѣ обрѣтался, говоря языкомъ Петра I? По крайней, если мы были друзьями и союзниками Незабвеннаго, то согласитесь, что мы испустились скрывали свою дружбу, чѣмъ Ваши свою вражду къ нему. Или, можетъ быть, Ваши превозпи нашихъ змѣиною мудростью? — Можетъ быть, но вѣдь вы бьете не на то*). — Знаете ли что? Ваши друзья, здѣсь, въ Россіи, давно откинули это старое обвиненіе въ сочувствіи съ деспотизмомъ, котораго нелѣпость мечется въ глаза; они теперь начинаютъ понимать, во первыхъ, что тотъ не можетъ быть на сторонѣ правительства, кто ожидаетъ возрожденія земли не отъ чиновниковъ и даже не отъ ученаго цеха, не отъ административныхъ распоряженій и не отъ теорій, а отъ подъема народной стихіи, сдавленной и обитой съ коленъ историческаго развитія; во вторыхъ, что анти-христіанское начало, революціонный матеріализмъ въ наукѣ и въ жизни, не прививается къ нашей народной стихіи, тогда какъ онъ удивительно разрастается на почвѣ правительства и прижиму-

*) Въ словахъ Самарина встрѣчаемъ одинъ изъ обычныхъ аргументовъ моск. славянофиловъ и ихъ союзниковъ, который въ послѣднее время не разъ повторялся и въ печати. Не смотря на свое «любовное» отношеніе къ власти свѣтской и церковной въ Россіи, моск. славянофилы любятъ говорить о «мученіяхъ», какія они потерпѣли за свое свободомысліе, а равно и о томъ, что будто бы власть эта относилась не только снисходительно, но даже съ покровительствомъ къ представителямъ западнаго «отрицанія», даже въ формѣ «цигизмизма». Но, напр., Самаринъ въ письмѣ своемъ страннымъ образомъ забылъ исторію Чаадаева, запрещеніе журналовъ Надеждина и Поговаго, самаго «Европейца» Н. В. Кирѣевскаго, котораго въ этомъ журналѣ еще надо считать скорѣе «западникомъ», чѣмъ «славянофиломъ». Странно, что Самаринъ не знаетъ и о «любозныхъ» запискахъ Дуббелета къ Вѣстнику, не задолго перелѣ смертью послѣдняго. Что до болѣе поздняго времени, то одна исторія «Современника» перефразируетъ всѣ «мученія» моск. славянофильскихъ органовъ. — Но дѣйствительно нѣкоторые частности какъ будто говорятъ въ пользу претензій м. славянофиловъ. «Власть» дѣйствительно была подозрительна и придирчива къ нимъ, тогда какъ по-временамъ попускала «отрицанію». Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что м. славянофилы, по своему состоянію люди «свѣта» (du monde), одного круга съ представителями власти. Вотъ почему даже ихъ легкое поношеніе властью, болѣе задѣваетъ послѣднихъ. Но уже и по этой принадлежности славянофиловъ къ свѣту, а особенно потому, что они все такъ всегда относились къ власти съ «любовію» и при этомъ даже, говоря чрезвычайно меткимъ словомъ Герцена, гораздо охотнѣе вступаютъ въ борьбу съ другимъ мнѣніемъ, нежели съ другимъ (правительственнымъ) фактомъ, то власть, даже карая ихъ, была милостива къ такимъ грѣшникамъ. «Отрицаніе» же всегда въ Россіи было болѣе разночинскимъ; оттого властные сферы во временамъ и не замѣчали грѣховъ апостоловъ «отрицанія», но разъ замѣчали, то карали ихъ не «обходомъ чиномъ», а по существу. Что касается до дальнѣйшихъ замѣчаній письма Самарина, — то, признавая, что оно вообще знаменуетъ апогей м. славянофильскаго либерализма, мы считаемъ нелишнимъ напомнить о томъ, какъ въ непродолжительномъ времени сошлись между собою эпгоны славянофильства съ западниками — бюрократами въ поддержкѣ «административнаго разгула власти» противъ болѣе послѣдовательныхъ и младшихъ западниковъ-отрицателей. М. Д.

шихъ къ нему сословіи, въ третьихъ, что по этой причинѣ самая натянутая централизція составляетъ первое условіе для развитія этого начала, или вообще прогресса (какъ понимаютъ его послѣдовательные западники), а наслѣдъ сверху во имя просвѣщенія—единственное успѣшное средство; въ четвертыхъ, что дѣло науки, играющей не послѣднюю роль въ этомъ движеніи добить теперь послѣднюю вѣру въ самосущность Русской земли, доказать, что народныя массы, лежація вѣи историческаго движенія, ничто болѣе какъ вещество, тогда какъ мысль и воля олицетворяются въ правительствѣ и въ высшихъ сословіяхъ; наконецъ, что между правительствомъ и народомъ нѣтъ разобщенія и быть его не можетъ, какъ нѣтъ его между художникомъ и глиною, изъ которой онъ лѣпнеть.

Когда нибудь, на досугѣ, пересмотрите изданія Вашихъ друзей; Вы вездѣ наткнетесь на эти темы. Чпчеринъ возьмется доказать Вамъ, что Русская Община избрѣтена верховной властью для фискальскихъ цѣлей (о сельской общинѣ въ 3 и 4-ой книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1856 г. и книга объ областныхъ учрежденіяхъ); отъ него же Вы услышите, что раздѣленіе между народомъ и государствомъ составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ изобрѣтеній «Русской Бесѣды» («Р. Вѣстникъ» 1857 г., книга 16, стр. 733). А любопытны Вы знать, какъ относятся у насъ правительство къ народу, какого рода гармонія между ними существуетъ,—это Вамъ объяснитъ г. Соловьевъ: все что было лучшаго въ Россіи пошло за Петромъ, а на долю народа осталось безсмыслие смысла передъ подавляющею силою привычки («Русск. Вѣстникъ» 1856 г., № 1, о древней Руси 1857 г., № 8, о Шлегелѣ). Не хотите ли Вы сдѣлать изъ этихъ послылокъ практическій выводъ? Вамъ поможетъ г. Коринъ: «если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагѣ, что внутреннее воздѣйствіе по большей части ждетъ вѣшняго побужденія, то нечего сѣтовать, что въ Индіи англійскій солдатъ, а въ Сиріи австрійскій жандармъ являются орудіями образованности (Атеней № 1). Понимаете ли, что все это сводится къ одному: въ Россіи живетъ, развивается, движется впередъ правительство и сословія къ нему прижимуны; народъ только укорствуетъ, но разумнаго и правомѣрнаго сопротивленія съ его стороны нѣтъ; такъ почему же бы правительству не употребить и принудительныхъ мѣръ?—Я имѣю доказательства (въ послѣднихъ Вашихъ сочиненіяхъ) что Вы далеко не раздѣляете этого взгляда; но вопросъ не въ томъ, вѣрны ли онъ, или нѣтъ, а которое изъ двухъ учений сочувствуетъ правительству, которое болѣе благопріятствуетъ административному разгулу власти, ученіе славянофиловъ или ученіе ихъ противниковъ?

Выслушайте еще объясненіе по предмету, касающемуся меня лично. Въ 1847 году я напечаталъ въ «Москвитинѣ» статью, въ которой, между прочимъ, разбиралъ «Обозрѣніе юридическаго быта древней Руси» Кавелина. Онъ выводилъ идею общества изъ личной автономіи, изъ личности, ставящей себя началомъ и мѣриломъ

всего. Вотъ его слова: «развивши начало личности до нельзя, Европа стремится дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ чело-вѣку и пересоздать все общество». Я доказалъ, что дойти до идеи чело-вѣка путемъ исчерпыванія личностей также не возможно, какъ дойти до идеи цѣлаго переборомъ единицъ; что, поддаваясь утомленію или уступая необходимости, личность ограничиваетъ себя въ пользу самой себя, т. е. ставитъ или допускаетъ общество, какъ средство удобное для достиженія ея личныхъ цѣлей и слѣдовательно всегда подчиненное имъ. — Этимъ путемъ возникаетъ условная искусственная ассоціація, осужденная исторіею, но нельзя вывести обязательнаго закона общестія. Я спрашивалъ: «какимъ образомъ начало разобщающее (личность) обратится въ противоположное начало примиренія и единенія?».

Находясь въ Ригѣ во время печатанія моей статьи, я, разумѣется, не могъ держать корректуры. Статья моя вышла съ ужаснѣйшими опечатками, между прочимъ, послѣдняя фраза, мною сейчасъ цитированная, вышла въ такомъ видѣ: «Какимъ образомъ начало разобщающее обратится въ противоположное начало припженія и единенія». Слово припженіе не русское и трудно было предположить, чтобы грамотный чело-вѣкъ могъ употребить его.

Опечатки были очевидны, но Кавелину благоугодно было, вмѣсто того чтобы представить серьезное возраженіе, выѣхать на опечаткѣ и заявить съ пропѣю, что онъ не можетъ сочувствовать теоріи припженія. Цѣль достигнута; мысль противника искажена, благородство намѣреній его заподозрѣно, публика смѣется, студенты рукоплещутъ любимому профессору и выносятъ убѣжденіе, что противникъ его проповѣдуетъ рабство, низость, подлость. Чего же лучше? съ тѣхъ поръ пошла ходить по свѣту припжающая личность и Вы въ послѣдней книжкѣ «Полярной Звѣзды» не усомнились, говоря о славянофилахъ, употребить выраженіе: «ихъ припжающаяся личность»! Скажите сами, поступаютъ ли такъ въ честной борьбѣ?

Говорить ли о Вашихъ портретахъ? Передъ Полевымъ, Бѣлинскимъ, Галаховымъ, Вами созданными, невольно приходитъ на память восклицаніе Донъ-Жуана (у Пушкина) передъ статуей Командора:

«Какія плечи! Что за Геркулесъ!

«А самъ покойникъ малъ былъ и щедушент!» *)

*) Приложение этихъ стиховъ къ Бѣлинскому, которое, конечно, удивитъ всякаго образованнаго русскаго, можетъ быть объяснено только кружковою нетерпимостью. Бѣлинскій же въ одномъ письмѣ къ Герцену (Одесса, 1846, Юли 4), до сихъ поръ не напечатанномъ вполнѣ, выражается о Самаринѣ такъ: «Въ Харьковѣ я прочелъ «Московский сборникъ»: лулю и нарываю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, не смотря на то, что авторъ отправляется отъ не-благопріятнаго принципа кротости и смиренія и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ О. З. Какъ умно и зло казнить онъ аристократическія замашки Саллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ чело-вѣкомъ, будучи славянофиломъ. За то Хомяковъ,—я жъ его ракалию! Дамъ я ему зацѣпляетъ меня — узнаетъ онъ мои кулачки. Ну ужъ статья! Вотъ бѣсталаный-то ёрникъ! Потѣшусь, чувствую, что потѣ-

Впрочемъ, съ этимъ легко мирится воз-
решное чувство. Идеализація не мѣшаетъ
сходству и придаетъ смыслъ изображенію;
но зачѣмъ Вы мѣрите друзей своихъ однимъ
аршиномъ, а vos amis les ennemis другимъ?
Неужели Вы этого не сознаете? —

Бѣлинскій когда то выразился такъ:
«Мать святая гильотина!» и Вы приходите
въ восторгъ. Что за широкая и мощная па-
тура! — Погодите заявлять всю жизнь
свою ненависть къ аристократіи—«что за о-
граниченность! Въ Россіи толковать объ ари-
стократіи», и т. д. —

А что Вы сдѣлали изъ Хомякова? Попро-
сите себя въ минуту душевнаго спокойствія
и скажите: можете ли Вы добросовѣстно не
чувствовать и не цѣнить въ немъ глубины
убѣжденія, выдержаннаго во всей его жи-
зни? А Вы изъ него сдѣлали брелера и хо-
хотуна! То есть Вы поставили ему въ вину без-
ружнующую простоту его обращенія, полное от-
сутствіе натяжки, театральности, эффектовъ.
Зачѣмъ онъ не рисуется, не хмуритъ бро-
вей, не отпускаетъ отточенныхъ и на дос-
гѣ придуманныхъ фразъ, зачѣмъ говорить
со всѣми, а не съ одними избранными! Это
похоже на то, какъ нѣкоторые у насъ въ
старину, называли Гоголя балагуромъ, потому
что онъ писалъ все болѣе смѣльное. Не
найти сказать про Хомякова ничего болѣе,
какъ то, что онъ охотникъ спорить и все
смѣется, что также вѣрно характеризуетъ и
(здѣсь въ подлинномъ бѣлое мѣсто) чело-
вѣка, какъ еслибъ кто нибудь сказалъ про
Грановскаго, что это былъ господинъ, бы-
бывшій дружескія попойки и игру въ лотъ.
Предоставьте этого рода сужденіе членамъ
нашихъ клубовъ и первымъ четыремъ клас-
самъ.

Въ послѣдніе годы Вы далеко подвину-
лись впередъ и Вы, конечно, сами вполнѣ
сознаете, что послѣдніе результаты, къ ко-
торымъ Вы пришли не только не разобщили,
а напротивъ сблизили Васъ съ нами. Это
очевидно для всякаго и очень естественно.

Тотъ порядокъ вещей, съ которымъ сва-
заны Ваши сочувствія и надежды, свобода
слова, гласность, новыя начала обществен-
ности, прерванные попытки преобразованія
— это все въ большей части западной Ев-
ропы сдѣлалось старинною и Вы ожида-
ющие, что эта старина воскреснетъ, отно-
ситесь теперь къ современной Франціи, Ав-
стріи и Италіи почти такъ же, какъ относи-
лся Петръ Васильевичъ Кирѣевскій къ до-
петровской Руси, а какой нибудь М. Grati-
er de Cassagnac поглядываетъ на Васъ съ
тѣмъ же состраданіемъ къ Вашимъ анти-
историческимъ стремленіямъ и къ Ва-
шему упорному косненію въ ста-
рыхъ предразсудахъ, съ какимы здѣсь
смотритъ на насъ die gelehrte Zunft — Со-
ловьевы, Леонтьевы, Яшевские и Корни. Но
вотъ что странно. Въ послѣднихъ сочи-
неніяхъ Вашихъ замѣтки какъ бы двѣ пересѣ-
кающіяся струи, или двѣ полосы. Съ одной

шусь!» Замѣчательно совпаденіе многихъ въ
отношеніи къ Хомякову, котораго даю въ письмѣ
своимъ защищаетъ Самаринъ; такъ и въ письмѣ
Мельгунова къ Герцену встрѣчаемъ о Хомяковѣ,
какъ ты знаешь, онъ мастеръ лить пули и даже
выдумалъ ружье, которое хватало втрое даль-
ше. Минь. Оказалось, что и ружье пуля. М. Д.

стороны разворачивается передъ читателемъ въ послѣдовательномъ движеніи живая мысль, умудренная историческимъ опытомъ послѣднихъ годовъ; съ другой, раздаются какіе то давно затверженные мотивы, повторяемые по старой привычкѣ, но безъ всякой повѣрки, безъ участія Вашего теперешняго сознания.

Вы не вѣрите въ Бога; по крайней мѣрѣ Вы думаете, что Вы въ него не вѣрите, а между тѣмъ ссылаются же у Васъ съ языкомъ выраженія подобныя этимъ: не дай Богъ, слава Богу и т. п.

Точно также повторяете Вы сужденія и насмѣшки, принадлежащія къ московскому періоду Вашего развитія, которыя при теперешнемъ Вашемъ образѣ мыслей падаютъ на Вашу голову. Въ превосходномъ разборѣ книги Корфа, я читаю вотъ что «настала пауза (царствованіе Николая) долгая, мучительная, потратившая все наше поколѣніе и еще одно. Эта задержка, эта остановка дыханія, нравственное недоумѣніе мало по малу стало разрѣшаться въ мысль, что стихіи развитія надобно искать въ самомъ народѣ, а не въ перенесеніи чужихъ формъ». — Любопытно бы однако было узнать, кто были органами этой мысли? Не Полевой ли, не Бѣлинскій ли, не «Отечественныя Записки» и «Современникъ»? — Далѣе: «на своей болыничной койкѣ, Европа, какъ бы исповѣдуясь, или завѣщая послѣднюю тайну скорби ея поздно приобрѣтенную, указываетъ какъ единственный путь спасенія именно на тѣ элементы, которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ и при томъ не одной петровской Россіи, а всей Русской Россіи, потому мы думаемъ, что у насъ развитіе пойдетъ инымъ путемъ». —

Я искренно обрадовался, прочитавъ тѣ строки и Вы сейчасъ поймете почему. Въ 1854 году, вотъ что было напечатано мною въ «Москвитинѣ»: «борьба Романскаго начала съ Германскимъ, авторитета съ свободою, католичества съ протестантствомъ окончена, но не разрѣшена; силы истощены и цѣль не достигнута. Западный міръ пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности того и другого начала и выражаетъ теперь потребность ихъ примиренія въ живой органической общинѣ. Это требованіе совпадаетъ съ нашею народною субстанціею; въ отвѣтъ на западную формулу мы приносимъ живой бытъ и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною». — Согласитесь, что моя мысль довольно сходна съ Вашей; между тѣмъ, разбирая въ одной изъ Вашихъ брошюръ мою статью, надъ которой, во время оно, издѣвались Бѣлинскій и Кавелинъ, Вы не преминули выставить ихъ защитниками прогресса, а меня поборникомъ косиѣнія, неподвижности и т. д. Почему? Потому что, когда то, давно, въ Москвѣ, съ именами Хомякова, Аксакова, Самарина связывались всѣ эти прилагательныя и Вы продолжаете ихъ бранить, не замѣчая, что повторяете отъ себя ихъ слова. Вы сравниваете Европу съ болынымъ, издыхающимъ на своей койкѣ, — Вы увѣряете, говоря о западныхъ людяхъ, «что въ этой упрямой упорности и непроницаемомъ непониманіи такъ и стучится головой о предѣлы?! міра завершенаго и т. д.» Тому назадъ лѣтъ десять, Хомяковъ и Ки-

рѣевскіе развивали ту мысль, что мы можемъ и должны заимствовать отъ западной Европы всевозможныя матеріальныя ея богатства и приобрѣтенія, весь фактический запасъ знанія, накопленный вѣками; но что Европа не можетъ быть для насъ ни образцомъ, ни идеаломъ для подражанія, потому что въ ней самой нѣтъ той полноты и цѣльности внутренняго убѣжденія, въ которой заключается сила историческаго творчества. Эта сила въ ней изсякла.

И такъ разнища между Вами и ими состоитъ въ томъ, что они усмотрѣли болѣзнь наканунѣ того дня, когда больнаго отвели въ лазаретъ, а Вы на другой день. И послѣ того Вы продолжаете (въ послѣднемъ №-рѣ «Полярной Звѣзды») ставить имъ въ вину ихъ дикую ненависть къ Западу. Вѣдь ужъ теперь Вы должны понимать, что то, что казалось Вамъ дикою ненавистью было просто признаніемъ факта, въ которомъ и Вы теперь убѣдились. Но еще тогда говорятъ Ваши сотрудники! Въ 8-мъ листѣ «Колокола» помѣщена статья о крестьянской общинѣ. Изъ нея видно, что авторъ очень неясно понимаетъ предметъ статьи; но не объ этомъ рѣчь.

Любопытная аргументація: противники общины говорятъ, что это младенческая форма, начальная ступень, черезъ которую прошли всѣ западные народы и отъ которой они оторвались, которую они отвергли, изъ чего слѣдуетъ, что она не совместна съ дальнѣйшимъ историческимъ развитіемъ. Это вовсе не доказательство, говоритъ авторъ статьи, мало ли что пропадаетъ въ жизни народовъ, вслѣдствіе вышнихъ причинъ, насилій и т. п. Надобно бы доказать, что западные народы сознательно и добровольно отреклись отъ общины, а этого то и нельзя доказать. —

И такъ въ жизни не только одного народа, но цѣлой группы народовъ, цѣлаго міра, торжество одного начала падъ другимъ, вовсе не служить еще доказательствомъ превосходства побѣдившаго надъ побѣжденнымъ; ными словами: настоящій историческій моментъ можетъ и не заключать въ себѣ всего смысла, всѣхъ зачатковъ, предшествовавшихъ моменту; можетъ быть, въ нихъ лежатъ такіа сѣмена, только временно подавленные, которымъ суждено еще прорости въ будущемъ. — Сжальтесь; да мы цѣлыхъ 20 лѣтъ твердили это, говоря о древней и петровской Руси и Вы же и всѣ Ваши браните насъ за старовѣрство и т. д. И въ этой же статьѣ, авторъ позволилъ себѣ, говоря объ насъ, употребить вотъ какія выраженія: «находясь въ направленіи равно безумнаго и преступнаго обратнаго шествія, они видятъ будущность позади, смотря впередъ затылкомъ». Гдѣ жъ тутъ логика, здравый смыслъ, литературная честность? А еще авторъ (Огаревъ?) застываетъ за общину! Любопытно бы было спросить его: кто отстоялъ ее въ наукѣ, безумцы и преступники или его друзья, и что бы, по его мнѣнію, сдѣлалось съ нашею общиною, если бы, тому назадъ лѣтъ пять, исполнительная власть попала въ руки умниковъ и законниковъ — Бѣлинскаго, Кавелина и пр.?) Я еще

*) Г. Кавелинъ, какъ извѣстно, стоитъ за общину. М. Д.

падѣюсь дожить до того времени, когда насъ потянутъ къ отвѣту, зачѣмъ мы не умѣли угадать и оцѣнить древнюю сельскую нашу общину, въ то время какъ за нее распинался Грановскій, Чпчеринъ и Бѣлинскій.

Вы, конечно, понимаете, что я прошу у Васъ только того, чего каждый въ правѣ ожидать отъ другого, — вниманія къ чужому мнѣнію и справедливости. Смѣшно бы было, еслибъ я вздумалъ увѣрять Васъ въ единомыслии. Признавая съ радостью, что мы во многомъ сблизились, я очень хорошо знаю, — что неприсутняя черта межъ нами есть. Вы стремитесь къ послѣдствіямъ и отворачиваетесь отъ начала; Вы дорожите примѣненіемъ, а не хотите слышать про силу. Вы требуете общности въ устройствѣ собственности, въ организаціи промышленности, кредита и т. д., но Вы не видите что всякая община предполагаетъ обязательное и свободное, но не произвольное самоотреченіе лица въ пользу общественнаго союза, что законъ можетъ претендовать на обязательность только во имя правственнаго долга, а что чувство долга и сознание нравственнаго и безнравственнаго также немислимо безъ религіозной основы, какъ нельзя себѣ представить вещество паполняющимъ пространство, которому нѣтъ предѣловъ, и посящимся въ пространствѣ, въ которомъ нѣтъ пустоты, — чему Вы учитѣ молодыхъ людей... Но довольно, не заводите же спора между Москвою и Лондономъ. А много бы я далъ, чтобы провести съ Вами съ глазу на глазъ нѣсколько вечеровъ. Обогномъ и обогномъ хотѣлось бы Васъ распросить и Вамъ пересказать. Но теперь моя поѣздка за-границу, давно замышленная, отложена на долго. Я назначенъ отъ правительства депутатомъ въ крестьянскій комитетъ по Саратовской губерніи. На дняхъ ѣду туда. Предчувствую ожесточенную борьбу, такую борьбу, въ которой всякаго рода оружіе, можетъ быть и кулаки, пойдутъ въ дѣло. Пожелайте жъ мнѣ успѣха. Крѣпко обнимаю Васъ съ полнымъ уваженіемъ и искреннымъ сочувствіемъ.

Юрій Самаринъ.

Р. S. Кстати, я послалъ Вамъ съ лишкомъ годъ тому назадъ четыре статьи для голосовъ изъ Россіи: 1) болышую записку о мерзости крѣпостнаго права и объ упраздненіи его, писанную въ 1854 г. 2) Статью подъ заглавіемъ: Чему мы должны научиться? — писанную послѣ Парижскаго мира. 3) Письмо къ ген. Людерсу, по поводу его приказа, даннаго арміи о томъ, чтобы офицеры не поднимали на смѣхъ ратниковъ ополченія. 4) Статью о вліяніи одежды на общественный бытъ. Отчего Вы ничего не напечатали? Теперь позвольте Вамъ дать совѣтъ. Вы вѣроятно знаете, что Ростовцевъ страшно идетъ въ гору. Онъ уже почти управляетъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, крестьянскій вопросъ въ его рукахъ и начинающаяся реакція какъ по эмансипаціи, такъ и по цензурѣ идетъ главнѣйшимъ образомъ отъ него. Это вреднѣйшая и опаснѣйшая скотина, потому что онъ, и онъ одинъ, обладаетъ страшнымъ іезуитизмомъ. Необходимо нанести ему сильный ударъ и лучше этого сдѣлать нельзя, какъ раз-

боромъ его печатной инструкціи о преподаваніи и воспитаніи въ кадетскихъ корпусахъ. Въ ней, между прочимъ, буквально сказано, что совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ воля начальства. Разберите подробно это образцовое произведение Лойолы-фельдфебеля. Никто не сдѣлаетъ этого, какъ Вы *). Но только, ради Бога, не упоминайте объ участіи его въ дѣлѣ 14-го Декабря; это выйдетъ ему въ заслугу, а его нужно убить; далѣе, не бранитесь, а разбирайте какъ можно спокойно, устранивъ Ваши политическія убѣжденія; наконецъ, бросьте Незабвеннаго и не браните его. Это оскорбляетъ государя. Нужно чтобы вслѣдъ за Вами всякій здравомыслящій и честный человѣкъ могъ подписать приговоръ Вашъ Ростовцеву, не приобщаясь ни къ какой политической партіи, не становясь подъ Ваше знамя, не навлекая на себя подозрѣнія, что дескать это говорить и того добиваются только красные.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

Союзы рабочихъ и социалистическія франціи.

Х.

(Продолженіе).

Сколько нибудь откровенно выступили на марсельскомъ конгрессѣ коллективисты-революціонеры государственнаго направленія въ вопросахъ объ образованіи, а также о собственности. По первому вопросу Фоше, делегатъ отъ *Groupes socialistes indépendants de Paris*, произнесъ длинную рѣчь, въ которой старался доказать, что никакое образованіе, при настоящихъ социально-экономическихъ условіяхъ, не возможно. А если бы оно было возможно, то оно принесло бы нѣтъ пользы только для буржуазіи, а отнюдь не для рабочихъ. «Свѣтское даровое и обязательное обученіе, говоритъ Фоше, до тѣхъ поръ не будетъ и не можетъ быть введено, пока рабочіе не будутъ владѣть коллективно землей, орудіями труда, желѣзными дорогами, каналами, и пр. и пр. Мирнымъ путемъ этого достигнуть нельзя; наука и исторія подтверждаютъ намъ, что мы можемъ этого достигнуть только посредствомъ матеріальной силы, т. е. посредствомъ социальной революціи».

На это Воніу, делегатъ парижскаго синдиката новоземцевъ, ирающій въ настоящее время не послѣднюю роль между коллективистами-федералистами въ Парижѣ, отвѣтилъ длинной рѣчью, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія строки: «Вѣдь тѣмъ, которые желаютъ освободить человечество изъ подъ ига, въ которомъ оно находится, я долженъ сказать: развивайте интеллектуальныя способности у пролетаріата, ибо для достиженія социальной революціи всѣ средства окажутся ничтожными, если они нацѣлены на неволю, эту язву бѣдности и пролетаріата. Поэтому я требую дароваго, обязательнаго и свѣтскаго первоначальнаго образованія». Конгрессъ вотировалъ по этому вопросу слѣдующія постанов-

ленія: 1) первоначальное обученіе должно быть обязательнымъ, даровымъ и свѣтскимъ; высшее образованіе должно быть также доступно для дѣтей рабочихъ; 2) всѣ школы принадлежатъ учащагося должны быть даровыми; 3) рабочіе синдикаты должны надзирать за народнымъ первоначальнымъ обученіемъ; 4) учрежденіе профессиональных школъ.

По вопросу о собственности первымъ высказался Фурньеръ. Изложивъ конгрессу недостатки индивидуальной собственности и доказавъ, что всѣ бѣды и несчастья рабочаго суть прямыя послѣдствія ея, Фурньеръ требовалъ, чтобы земля, орудія труда и капиталы были отданы въ руки рабочихъ. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ: какими средствами можно этого достигнуть? «До сихъ поръ, говоритъ онъ, существовало для этого только два средства: кооперація и революція. Сами рабочіе путемъ опыта убѣдились въ несостоятельности перваго средства. Слѣдовательно, остается одно—революція. Будьте увѣрены, что если бы существовало другое болѣе пригодное, то парижскій пролетаріатъ первый ухватился бы за него. Къ тому же неумолимая исторія говоритъ за насъ и доказываетъ намъ, что 24 часа революціи намъ доставляли болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ мирнаго прогресса. Не думайте, впрочемъ, прибавляетъ ораторъ, чтобы мы желали немедленной революціи; нѣтъ! мы признаемъ для рабочаго класса необходимость воспитательнаго періода».

За Фурньеромъ выступилъ Фоше. Въ длинной рѣчи развилъ онъ отрицательную сторону индивидуальной собственности. Рѣчь его наполнена цитатами Стюарта Милля, Прудона, Гектора-Денни. Конечъ его рѣчи, восторженно патетическій, переполненный восклицаніями, вмѣщаетъ въ себѣ идеалъ его: «Вѣдь коллективной собственности нѣтъ спасенія! Безъ коллективной собственности не можетъ существовать ни народнаго образованія, ни воспитанія! Вѣдь коллективной собственности — нѣтъ личной свободы! Мы требуемъ, какъ цѣль — коллективной собственности, какъ средства къ достиженію ея — революціи».

Такія рѣчи держали гдѣ-то по вопросу о собственности. Но эти общія положенія коллективизма не были для слушающей ихъ публики не только новы, но и не опредѣлительны. Отчего же ни Фурньеръ, ни Фоше не высказались подробнѣе о тѣхъ общественныхъ формахъ, въ какихъ, по ихъ мнѣнію, будетъ существовать коллективная собственность? Почему этотъ же самый Фурньеръ на окружномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1880 году 24 іюля, по тому же вопросу о собственности такъ ясно опредѣлялъ эти формы и въ заключеніи приводилъ, объявивъ во всеулышаніе: «Да, мы государственники; мы — враги коммунальной автономіи, коммунальной собственности, потому что эта автономія отбрасываетъ человечество назадъ въ отдаленное прошлое»? Отчего же въ Марселѣ ни онъ, ни Фоше не сказали того же самаго, не смотря на то, что Финансъ ясно развилъ въ своей рѣчи, что коллективная собственность можетъ обнимать: человечество, націю или только коммуны, ассо-

ціацію? Да потому, читатель, что они очень хорошо понимали, что, говоря предъ представителями дѣйствительныхъ рабочихъ дѣлъ провинцій Франціи, — они провалились бы и съ своимъ коллективизмомъ, если бы заявили его предъ такой публикой въ формѣ государственно-централистической, такъ какъ по причинамъ, — о которыхъ здѣсь долго было бы говорить, — теперь политическая и экономическая жизнь французскаго рабочаго населенія дѣлаетъ его сознательнымъ или безсознательнымъ децентралистомъ.

Совсѣмъ иное дѣло говорить въ Парижѣ предъ такою аудиторіей, какъ конгрессъ федераціи Центра въ 1880 году. Тамъ на 33 рабочихъ общества только 8 были рабочіе синдикаты (между тѣмъ нужно замѣтить, что въ Парижѣ въ то время было около 200 рабочихъ синдикатовъ), остальные были различные «*cercles socialistes indépendants*» или «*cercles d'études sociales*». Все это были люди свои. На марсельскомъ же конгрессѣ эти люди были передъ чужими, — имъ приходилось скрывать, педоговаривать, оговариваться. Особенно Фурньеръ, какъ человѣкъ очень не глупый, наблюдательный, къ тому же бывший актеръ, привыкъ удавливать въ слушающей его публикѣ подергиванія лицевыхъ мускуловъ, — и потому особенно ловко оговаривался, — признавая даже необходимость передъ революціей воспитательнаго періода, а въ это пахнетъ признаніемъ реформъ, нужныхъ для этого періода. (Извольте-ка въ Россіи въ настоящее время заняться воспитаніемъ народныхъ массъ!...) Фоше, менѣе смѣливый, налагалъ, въ ожиданіи революціи, запретъ даже чуть не на обученіе грамотѣ дѣтей рабочихъ, — но все же долженъ былъ скрывать свои государственно-централистическія идеи. Финансъ, защищая индивидуальную собственность, прямо затрогивалъ Фурньера и Фоше, говоря, что «декретировать коллективную собственность не возможно, ибо декретомъ нельзя дать народу способностей и чувствъ, нужныхъ для завыдыванія этой формой собственности» — но гдѣ-то промолчали на эти заѣзники. Еще деликатнѣе ихъ положеніе было во время рѣчи Ломбара, направленной цѣлкомъ на защиту коммунальной коллективной собственности. «Коммуна, говоритъ Ломбаръ, владѣя землею, орудіями труда, желѣзными дорогами, каналами и капиталами, должна отдавать ихъ въ пользованіе производительнымъ группамъ, федерирующимся между собою. Сами же коммуны должны устроить между собою федерацію свободныхъ коммунъ». Въ отвѣтъ на это гдѣ-то не рѣшились даже сдѣлать вполнѣ резонную поправку, что есть имущества, какъ, наприм., желѣзныя дороги, каналы, телеграфы, которыя по могутъ принадлежать одной какой нибудь коммуны, а должны быть въ завѣданіи цѣлой федераціи коммунъ или націи.

На коммуналистическую рѣчь Ломбара отозвался не философъ государственнаго коммунизма, а представитель рабочихъ синдикатовъ. «Да, сказалъ Дюранъ, делегатъ синдиката марсельскихъ булочниковъ, намъ нужно требовать автономіи коммуны; посредствомъ ея мы добудемъ и коллективную собственность. Посмотрите, продолжалъ онъ,

*) Желаская С.—имѣ замѣтка о Ростовцевѣ напечатана въ 29 №-рѣ «Колокола» (1 авг. 1888 г.) М. Д.

скольким коммунам нужно прорыть каналы для устройства орошения, а разрешение центральной власти, систематически опаздывая, повергает их в самое бедственное положение. Сколько жатв пропадет, сколько остается необработанных полей! Если бы коммуны могли обходиться в своих делах без санкции центральной власти, мы бы не видели печального зрелища, что земледелие, — главный предмет нашего богатства, — пренебрегается рабочими на индустрию. Деревни опустошаются, а рынки в больших центрах переполняются предложениями рабочих рук, благодаря чему нищета увеличивается».

После таких прений конгресс принял решение в пользу коллективной собственности, но какой именно, этого не определил. Да и не мог он этого определить; во первых, благодаря неискренности прений по этому вопросу, а во вторых, такие вопросы в подробностях в один вечер не выясняются. Конгресс, вотируя в пользу коллективной собственности, желал только показать, что общая несостоятельность индивидуальной собственности признана рабочим классом Франции.

Мы сожалеем, что недостаток места не позволяет нам изложить прений марсельского конгресса и по другим вопросам: об образовании, работе и политических правах женщин, о стачках. Но мы необходимо должны остановиться на решениях конгресса о непосредственном представительстве рабочего класса в законодательных учреждениях. По этому вопросу в Марселе прежде всего были повторены решения предыдущих конгрессов об образовании особой рабочей партии. Но чтобы эти решения можно было привести в исполнение, конгресс постановил приступить к организации рабочей партии на федеральных началах. С этой целью Франция была разделена на 6 федераций: федерация центра или парижская; федерация востока Франции или Лионская; федерация юга — Марсельская; федерация запада — Бордосская; федерация севера — Лильская и, наконец, федерация Алжира. Затем следуют параграфы, определяющие круг действий и обязанностей каждой федерации порознь и всех вместе. Мы не станем излагать эти параграфы, но скажем только, что они проникнуты принципом автономизма. На последнем заседании конгресса комиссия, которой было поручено избрать место и вопросы для созыва 4-го конгресса, представила свой доклад по этому вопросу. По настоянию Фоше, местом для будущего конгресса была избрана Женева; выбор этот мотивировался тем, что вопросы, трактуемые на конгрессах Франции, затрагивают рабочих всех стран. Предложение это конгрессом было отвергнуто и постановлено, что 4-ый конгресс должен быть созван в Гавре в 1880 году. При этом было внесено предложение от имени 61 делегата синдикатов, требующее на будущий конгресс более строгого приема и проверки полномочий относительно делегатов. Предложено было, что только те *cercles d'études sociales* мо-

гут посылать на конгресс своих делегатов, которые будут иметь напечатанные статуты своего общества....

Это предложение послужило потом первым поводом к разделению в рабочем движении Франции *).

В заключение всего, революционеры настаивали, чтобы конгресс, по крайней мере, разошелся, провозгласив: «да здравствует социальная революция!» Но конгресс закрылся при крике: «Да здравствует амнистия, да здравствует республика!»

Через несколько дней после закрытия сессий конгресса в республиканских газетах была опубликована декларация следующего содержания:

«Мы, нижеподписавшиеся, делегаты рабочего социалистического конгресса, бывшего в Марселе, порицаем манифестации революционеров и частые призывы к революции, происходившие на конгрессе. Мы думаем, что действия революционеров могут вредно отозваться на единении и согласии, до сих пор существовавших в рабочем классе; а потому мы объявляем, что, не желая нести ответственности за это, мы приглашаем рабочих синдикаты сохранить свою независимость и воспользоваться только теми работами конгресса, которые они найдут полезными для своих корпораций». Следует 23 подписи.

Этим был дан второй сигнал к разделению рабочих; за ним логически последовал третий, на конгрессе 1880 г. в Гавре.

Во всех их, по справедливости, следует признать вину на стороне коллективистов-революционеров, явившихся на Марсельском конгрессе в виде полумаскированных государственных коммунистов. Они провели на этом конгрессе решения, которые во всяком случае опередили сознание массы рабочих, даже организованных в синдикаты. Представители последних должны же были высказаться откровенно перед своими товарищами, а затем попытаться предупредить на будущих конгрессах сюрпризы, установив более строгий контроль представительств рабочих групп, с целью отличить в них действительных от фиктивных. Этим разделением и этой попыткой воспользовались противники независимого рабочего движения, подошедши к синдикалистам против революционеров. В начале Гаврского конгресса министерские агенты среди рабочих, Барбере и Лионе, понавшие в организационную комиссию, с частью синдикалистов, не пустили

*) Подобные предложения и затем разделение естественно должны были последовать за тем, как рабочим конгрессам дали значение не чисто совещательное, а в некотором роде законодательное (тем более странное, что силы для охраны обязанности своих постановлений конгрессы иметь не могли). При таком характере партии между членами конгресса естественно стали заботиться о том, чтобы во что бы то ни стало получить большинство голосов за свои формулы. Напр., коллективисты и государственники-коммунисты революционеры стали добиваться большинства то хитрыми постановками вопроса, то проведения на конгрессе делегатов от фиктивных обществ, — умренные и практики должны были прибегнуть к методам устранения таких приемов, методам крайне щекотливым, — и пошли истории! (Ред.)

в заседании большую часть представителей *cercles d'études* и т. п. организаций. Недопущенные и другая часть синдикалистов, возмущенная безцеремонностью расправы, составили отдельный конгресс, который назвал себя «*congrès indépendant*», а противников своих «*congrès officiel*». Потом «независимые» стали называть свои конгрессы уже прямо «революционными».

С тех пор рабочие конгрессы потеряли всякое реальное значение: на одних люди топчутся на месте с восклицаниями о «революции», на других с фразами о кооперации и сбережении. Но и на том не стало. Революционеры сами не замедлили разделиться, а умренные подались назад.

Революционеры получили в наследство от Лионского и Марсельского конгрессов, которых они усиливались представлять себя законными наследниками, задачу, в сущности совсем перерожденную: организовать рабочую политическую (парламентскую) партию. В силу этого они и составили в 1880 г. для избирательной агитации программу, получившую имя *programme minimum*, — самая мысль о которой возмутила многочисленных, но шумных фракций анархистов, а также социалистических якобинцев — революционеров *quand même*. (Орган последних теперь «*Le Citoyen et la Bataille*»). Программа эта была редижирована социалистами-государственниками (Гедом). В 1881 г. во время муниципальных выборов социалисты-революционеры 18 округа Парижа (*Montmartre*) опубликовали муниципальную избирательную программу (*programme municipal*), составленную Бруссом на началах автономии коммунальной. Государственники увидели в этом измене. На Руанском социальном-революционном конгрессе 1881 г. единство между двумя фракциями едва-едва удержалось, но в 1882 г., на конгрессе в С. Этьенне обе фракции разсорились и составили два отдельных конгресса (в С. Этьенне и Роанне), из которых каждый объявлял себя истинным представителем и социальными революционерами, и рабочей партии вообще. Центристско-государственники, или гедисты в Роанне, забыв, что сами они составили «*programme minimum*», стали укорять федералистов-коммуналистов, или бруссистов, в умренности, называя их, по одному из слов, вырвавшихся у Брусса, — *посибилитами*. (Орган последних — *Le Prolétaire*).

А почти в одно время с конгрессами революционеров, в Бордо собрались на конгресс синдикатов, т. наз. барберисты (орган *Le Moniteur des syndicats ouvriers*), синдикалисты-антиреволюционеры, и здесь, не смотря на некоторые достойные внимания решения в духе первых рабочих конгрессов, дошло дело до того, что руководители конгресса, клеветы Гамбетты, запрещали делегатам говорить о политике вообще, а особенно порицать официальный оппортунизм.

Таким образом рабочая партия во Франции, возмущенная на Лионском и Марсельском конгрессах, не только не составила, но даже элементы ее разошлись друг от

друга такъ, что много теперь надо ума и труда, чтобъ собрать ихъ вмѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Жебуневъ.

НОВѢЙШІЕ ПОДХОДЫ КЪ СОЦІАЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

III.

Крестьянское движеніе въ Германіи *).

Намѣтивъ въ предыдущихъ письмахъ подходы къ соціальному вопросу въ Германіи и Австріи со стороны аристократіи и тепершняго средняго класса, я теперь долженъ обратиться къ общественному элементу, быть можетъ, самому главному, который начинать пробуждаться и подходить къ постановкѣ соціальнаго вопроса, — а именно къ элементу крестьянскому. Статьи г. В. Мак. (№№ 54 и 55 «Вольн. Сл.») извѣщаютъ меня отъ необходимости говорить о крестьянскомъ движеніи въ Австріи, а потому я на этотъ разъ сосредоточусь на Германіи.

Изученіе здѣсь новѣйшаго крестьянскаго движенія оказалось дѣломъ пеленкымъ. По печатнымъ источникамъ оно совершенно невозможно, потому что о немъ не было написано ни одной книги, ни да же брошюры, ежедневныя же политическія газеты о немъ почти не упоминали. Указанія на источники мнѣ не могъ дать ни одинъ изъ главныхъ книгопродавцевъ Берлина и другихъ большихъ нѣмецкихъ центровъ. Я долженъ былъ обратиться къ лицамъ, о которыхъ мнѣ было извѣстно, что они стоятъ именно во главѣ этого движенія, но и они только подтвердили заявленіе книгопродавцевъ, указывая на непосредственное знакомство съ самымъ движеніемъ какъ на единственный источникъ его познанія.

Для этой цѣли мнѣ пришлось обѣхать значительную часть Германіи, останавливаясь въ самыхъ глухихъ закоулкахъ, присутствуя на собраніяхъ крестьянскихъ союзовъ (Bauern-Vereine) и бесѣдуя съ ихъ главными вожаками. Въ изображеніи крестьянскаго движенія и въ сужденіяхъ о немъ я долженъ буду поэтому преимущественно руководиться личными наблюденіями и впечатлѣніями; однако, въ видахъ доставленія возможности другимъ проверить мои сужденія или разрабатывать вопросъ шире, чѣмъ это мнѣ позволяютъ размѣры газетной статьи, я считаю себя обязаннымъ привести здѣсь тѣ немногіе печатные источники, которые мнѣ удалось собрать во время своей поѣздки.

Вотъ они:

Statut des fränkischen Bauern-Vereins nach Beschluss der Generalversammlung von 10. September 1882. Ansbach. Druck von F. Reider.

Referat über das Thema: «Welche Massregeln sind zu ergreifen, um dem drohenden Ruin des ländlichen Grundbesitzes zu begegnen?» erstattet von Karl Freiherr von Thüngen-Rosbach auf der XIII Hauptversammlung des Congresses Deutscher Landwirthe zu Berlin am

*) Факты, сообщенные авторомъ настоящей статьи, кромѣ всего прочаго, имѣютъ интересъ въ виду недавнихъ мудрствованій нѣкоторыхъ русскихъ мыслителей на тему, какъ узнать, что думаетъ нашъ «народъ» о разныхъ дѣлахъ, о которыхъ будто бы не компетенція разсуждать «интеллигенція»? А ларчикъ просто открывался! Дайте только хоть германскую свободу сходокъ и обществъ, — и «народная дума» обнаружится какова она есть, со всѣми ея наивностями и сильными сторонами! (Ред.)

20 Februar 1882. Separatabdruck des Berichts des Congresses Deutscher Landwirthe.

Gutachten des Generalcomité's des Landwirthschaftlichen Vereins in Bayern, bearbeitet vom Regierungsdirector von Jodlbauer. München. 1880.

Die Reichsbank und die Landwirtschaft (Auserordentliche social-politische Beilage zum «Merkur»). 1883.

Antwort des Hessischen Bauernvereins dem dortigen Landwirthschaftlichen Vereine. Darmstadt. December. 1882.

Der Landwirthschaftliche Credit in Bayern. von Haag. München. 1881.

Ueber Selbstverwaltung von Fr. v. Hornstein-Binningen (Volkswirthschaftliche Beilage zum «Bayerischen Kurier»). 23 Februar 1883.

Die Sittliche seite der Bauernfrage. (Bayerischer Kurier).

Offener Brief an den Generalsecretär des landwirthschaftlichen Vereines H. Otto May in München. Von Fr. v. Thüngen-Rosbach. Mannheim. 1883.

Кромѣ того интересная рубрика «Aus den Bauernvereinen» въ еженедѣльной «Bauernzeitung», выходящей въ Мюнхенѣ, рубрика «Der Bote vom Lande Bayern» въ ежедневной «Bayerischer Landbote» въ Мюнхенѣ и мелкія извѣстія въ газетахъ: «Deutsche Reform» (въ Дрезденѣ), «Deutsche Volkszeitung» (въ Берлинѣ), «Frankfurter Volkszeitung» (не смѣшивать «Frankfurter Zeitung») «Deutsche Volkswirthschaftliche Correspondenz» (въ Берлинѣ), «Zeitschrift d. landwirtsch. Vereins in Bayern» (въ Мюнхенѣ) и т. д.

Читатель замѣтитъ, что всѣ приведенные особые источники, хотя и печатные, но не назначенные для публички, авторскіе манускрипты или протоколы ферейновъ, или же отдѣльные оттиски статей, появившихся въ крошечныхъ листкахъ, вовсе не извѣстныхъ обыкновенной читающей публикѣ. Только что совершенная мною поѣздка позволила мнѣ констатировать два интересныя факта: 1, что крестьянское движеніе въ Германіи весьма глубокое и значительное и, 2, что оно почти вполне игнорируется парламентскими партіями и политической печатью этой страны. Я пораженъ открытіемъ, что и въ Германіи, этой ученой, книжной странѣ par excellence, книга и газета говорятъ такъ мало о томъ, что дѣйствительно происходитъ въ жизни: печать сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ!

И этотъ разладъ печати и жизни, сказывающійся такъ сильно въ крестьянскомъ движеніи, не ограничивается имъ однимъ: то же самое, хотя и въ меньшей степени, относительно ремесленническаго движенія; то же было до послѣдняго времени съ государственно-соціалистическимъ движеніемъ и съ тѣмъ сложнымъ культурно-соціально-расовымъ движеніемъ, которое носитъ названіе антисемейскаго; то же происходитъ и донынѣ съ глубокими и многозначительными умственными движеніями въ Германіи, напр., съ критическою школою Бруно Баура и съ культурно-реформаторскою Евгенія Дюринга.

Но отъ этого невольнаго отступленія возвращаюсь къ непосредственному предмету настоящаго очерка. Опасаюсь разбѣговъ, которые бы онъ принялъ, если бы я вдавался въ описаніе крестьянскаго движенія такъ, какъ

мнѣ привелось его видѣть на дѣлѣ, а мѣренъ сразу приступить къ сущности дѣла: не излагая его историческаго развитія, корни котораго весьма глубоко заходятъ въ прошлое, я скажу только нѣсколько словъ о его настоящемъ характерѣ, а затѣмъ перейду къ изложенію требованій и предложеній, выставляемыхъ крестьянами и ихъ вождями.

Движеніе крестьянъ въ Германіи отличается отъ подобнаго же въ Австріи, съ которымъ оно, правда, имѣетъ много общаго, во первыхъ, тѣмъ, что оно гораздо самостоятельнѣе относительно парламентскихъ политическихъ партій и стоитъ на совершенно реальной почвѣ (статуты германскихъ ферейновъ обыкновенно воспрещаютъ всякіе разговоры о политикѣ или религіи), второе же отличіе германскаго движенія отъ австрійскаго состоитъ въ томъ, что въ Германіи крестьяне нашли себѣ одного вождя, человека хотя не ихъ сословія, но совершенно преданнаго ихъ интересамъ и посвятившаго всю жизнь своему изученію и защитѣ оныхъ: г. Тюнгенъ-Росбахъ — несомнѣнно одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, представляющій наглядный примѣръ того, что можетъ сдѣлать одинъ убѣжденный и преданный дѣлу человекъ! Происхожденіе, общественное положеніе, личные отношенія, и политическіе союзы соединили г. Тюнгена съ аристократической фракціей «соціалистовъ сверху», о которыхъ я говорилъ въ первой статьѣ о «Подходахъ». Независимость характера и любовь къ дѣлу высвободили одного изъ ограничивавшихъ его связей и сдѣлали его вполне достойнымъ имени «друга крестьянъ» (Bauernfreund), которое ему обыкновенно даютъ приверженцы и послѣдователи. — Мнѣ показалось не безынтереснымъ въ культурномъ отношеніи, что сами крестьяне, хотя и знаютъ этотъ титулъ, котораго они несколько не осматриваютъ, но охотнѣе зовутъ Тюнгена другимъ: der Agrarier: съ этимъ, въ сущности для нихъ непонятнымъ именемъ они соединяютъ болѣе широкое реформаторское значеніе, а въ то же время и нѣчто таинственное. Поэтому, на митингахъ, приходилось слышать, какъ крестьяне, сперва кричавшіе выѣсть съ людьми образцовыхъ классовъ: Hoch der Bauernfreund! скоро переходили къ болѣе симпатичному клику: Hoch der Agrarier!

Въ настоящее время, ряды дворянско-помѣщичьихъ, слѣдовавшихъ за г. Тюнгеномъ въ началѣ его карьеры, значительно порѣдѣли и отстаютъ отъ него болѣе и болѣе; собственно аристократія никогда ему не сочувствовала: приниженная тоже вся въ зависимости отъ капиталистовъ, и именно отъ евреевъ, она не въ состояніи играть роли, напр., венгерскихъ магнатовъ и можетъ развѣ только иногда произносить въ парламентѣ рѣчи въ пользу крестьянъ и укорять либераловъ-буржуа въ невинности къ интересамъ сельскаго сословія; мелкіе же дворяне, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, «идутъ въ народъ» регулярно передъ каждымъ выборомъ, чтобъ потомъ цѣлое трехлѣтіе не заниматься болѣе крестьянами. Ни тѣхъ, ни другихъ, поэтому, никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ группою друзей Тюнгена; въ послѣднее вре-

мя, дѣятельность «Аграрія» начинается даже казаться очень «*bedenklich*» германскому дворянству; чиновники же приходятъ отъ нея въ ужасъ. Мнѣ случалось слышать, какъ разные ландраты, вздыхая, говорили: «можетъ быть, и выйдетъ изъ этого что хорошее, но только одно вѣрно, что прежде крестьяне безпрекословно исполняли всѣ распоряженія властей, нынѣ же они все «обсуждаютъ» на своихъ собраніяхъ, да дѣлаютъ потомъ свои «представленія»; управлять ими теперь не легко». — Впрочемъ, осторожное и искусное руководство предохраняетъ до сихъ поръ крестьянъ отъ всякаго столкновенія съ администраціей; высшій же заправитель, Бисмаркъ, даже выражаетъ сочувствіе растущему движению, которое и ему полезно въ смыслѣ элемента разложенія и ослабленія существующихъ партій.

Германскія движенія всегда выходятъ не изъ столицъ и политическихъ центровъ, а изъ какого нибудь забытаго уголка, въ которомъ люди на досугѣ додумались до чего нибудь новаго. Такъ возрожденіе живописи началось въ Дюссельдорфѣ, музыкально-поэтическое культурное движеніе кристаллизировалось въ Байрейтѣ, анти-еврейское движеніе началось въ маленькихъ городкахъ Саксоніи, попробовало установиться въ Дрезденѣ, но скоро перенесло свой центръ въ Кемницъ; исходная точка и центръ крестьянскаго движенія — въ селлахъ Франконіи, самой внутренней части Германіи, знаменитой какъ родина салическихъ франковъ, но которая, особенно въ послѣдніе вѣка, всего менѣе заставляла говорить о себѣ. Здѣсь чувство крестьянской солидарности и потребность дружнаго дѣйствія явились впервые сознательно и здѣсь была выработана программа, которая послужила потомъ основаніемъ всѣмъ крестьянскимъ ферейнамъ.

Въ именахъ и способѣ образованія ферейновъ (союзовъ) сказывается также старинная германская особенность: ферейны образуются не около большихъ центровъ и не по государствамъ, а по племеннымъ территориямъ; такимъ образомъ, всѣ крестьяне участвующіе въ движеніи во Франконіи (теперь принадлежащей Королевству Баварскому и раздѣляющейся на три провинціи) составляютъ франконскій ферейнъ; такъ, есть верхне-баварскій ферейнъ, гессенскій, прирейнскій, силезійскій и т. д. Въ прошломъ мѣсяцѣ считалось всего семь ферейновъ, съ тѣхъ поръ открылся одинъ и два готовятся къ открытію. Замѣчательно, что за исключеніемъ полунѣмецкой Силезіи, нѣтъ ни одного крестьянскаго ферейна въ странѣ, объединившей Германію, въ Пруссіи; движеніе крестьянское, какъ и всѣ другія общественныя и умственные германскія движенія, исключая государственно-соціалистическаго, составляющаго особенное національно-прусское движеніе, имѣетъ мѣсто внѣ Пруссіи.

Франконскій крестьянскій ферейнъ былъ образованъ 10 сентября 1882 г. на митингѣ въ Россбахѣ; правленіе его находится въ Вюрцбургѣ. Цѣль его опредѣляется статутомъ: «соединеніе крестьянъ въ одно товарищество (*Genossenschaft*), которое бы заботилось о возвышеніи нравственнаго, умственнаго и экономическаго уровня своихъ чле-

новъ, объ образованіи изъ нихъ крѣпкаго крестьянскаго сословія и о сохраненіи крестьянскаго землевладѣнія».

Средствами для этихъ цѣлей должны служить: а) Обсужденія и заключенія членовъ на собраніяхъ о защитѣ ихъ интересовъ, предотвращеніи вредныхъ вліяній на крестьянство, объ устраненіи дурныхъ привычекъ, злоупотребленій и роскоши; б) Поощреніе соответствующихъ интересамъ крестьянства образованія и познаній; в) Примиреніе сталкивающихся между собою личныхъ интересовъ, рѣшеніе споровъ и процессовъ посредствомъ полюбовнаго соглашенія; г) Основаніе общественныхъ полезныхъ заведеній въ интересѣ поземельнаго владѣнія и сельскаго хозяйства, въ особенности кредитныхъ и страховыхъ учрежденій; е) Попеченіе, въ видахъ воспрепятствованія задолжанію, измѣлчанію и продажѣ крестьянскихъ имѣній, о своевременныхъ распоряженіяхъ, посредствомъ духовныхъ завѣщаній или договоровъ между здравствующими, которыми бы крестьянскія имѣнія были сохраняемы по возможности нераздѣльными и, насколько это допускается мѣстными законами, переходили бы къ одному изъ родственниковъ умершаго.

Членами ферейна могутъ быть: принадлежащіе къ одному изъ обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (т. е. католическому и евангелическому), ведущіе нравственный и воздержный образъ жизни, имѣющіе поземельную собственность и занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ. — Также — арендаторы, пользователи (*Nieszbraucher*) и управляющіе сельскими имѣніями, равно какъ и тѣ изъ братьевъ и сыновей землевладѣтелей, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать, что они будутъ содѣйствовать цѣлямъ ферейна. Почетными членами могутъ быть по предложенію комитета общиннаго собранія избраны такія лица, которые оказали дѣлу ферейна особыя услуги.

Важныя рѣшенія и измѣненія статута постановляются на общихъ собраніяхъ ферейна (т. е. всѣхъ членовъ ферейна цѣлой племенной территоріи); кромѣ того, имѣются мѣстные собранія повсюду, гдѣ имѣется значительное число членовъ, но рѣшенія ихъ получаютъ силу только по приобритеніи большинства на общемъ собраніи. Правленіе контролируется комитетомъ, избираемымъ на общемъ собраніи, также какъ и само правленіе. — Членскіе взносы происходятъ ежегодно въ размѣрѣ минимумъ 15 ифеннинговъ (6 копѣекъ). § 6 гласитъ такъ: «О политикѣ и религіи на собраніяхъ говоритъ воспрещается».

Статуты крестьянскихъ ферейновъ, всѣ на образецъ франконскихъ, ясно обозначаютъ цѣли и границы движенія. Соединяются землевладѣльцы и арендаторы, т. е. самостоятельные хозяева, а также члены ихъ семействъ и ихъ управляющіе; работники и батраки (*Knechte*) считаются какъ бы элементомъ приплымъ и не имѣющимъ мѣста въ рядахъ крестьянъ. Крестьяне сознаютъ себя отдѣльнымъ «крестьянскимъ сословіемъ» (*Bauernstand*) и желаютъ оставаться таковымъ; правда, они допускаютъ въ ферейны и прочихъ сельскихъ хозяевъ, но подъ условіемъ, что эти послѣдніе дѣлаются членами крестьянства и служатъ его интересамъ. «Другъ крестьянъ» (Тюнгентъ) прямо объявляетъ себя крестьяни-

номъ и считаетъ это имя самымъ почетнымъ. «Крестьяне (*Bauern*)» — говоритъ онъ — «это всѣ тѣ, которые занимаются воздѣлываніемъ (*bebauen*) почвы, кто бы они ни были». — Это послѣднее опредѣленіе главою движенія значенія крестьянства дѣлаетъ возможнымъ включеніе сюда и наемныхъ сельскихъ рабочихъ, но пока оно остается теоріей, такъ какъ именно крестьяне-хозяева всего болѣе противятся уравнию съ собою ихъ рабочихъ. Съ другой стороны, вся аристократія и большая часть среднихъ землевладѣльцевъ сами не желаютъ входить въ «крестьянское сословіе»: замѣчательно, что добровольно идущіе въ крестьянство — все землевладѣльцы старыхъ дворянскихъ родовъ; землевладѣльцы же мѣщане презираютъ крестьянъ и гнушаются за аристократіей или держатся съ горжанами: они большею частью «либералы».

Всѣ крестьянскіе ферейны приняли одну и ту же программу, которая потому называется не программой ферейна, а крестьянскою вообще — *Bauernprogramm*. Составитель ея — самъ Тюнгентъ, развившій и мотивировавшій ее подробно въ своемъ рефератѣ; крестьяне только сдѣлали ея положенія менѣе общими и болѣе конкретными, примѣнимыми къ нуждамъ дня. Тѣмъ не менѣе, программа эта далеко выходитъ за предѣлы «агрономическихъ улучшеній», а требуетъ измѣненій законовъ и даже финансовыхъ учрежденій. Важность и цѣльность этой программы заставляетъ меня привести ее здѣсь во всей полнотѣ.

Крестьянская программа.

Для поднятія глубоко упаднаго сельскаго хозяйства и для сохраненія крѣпкаго и здороваго крестьянскаго сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и процвѣтанія цѣлой страны необходимы слѣдующія экономическія и законодательныя мѣры:

1) Возможно большая бережливость въ хозяйствѣ и управленіи общинъ, уѣздовъ, округовъ, отдѣльныхъ государствъ и имперіи, и возвращеніе къ вынужденному обстоятельствами, мудрому самоограниченію и простотѣ.

2) Пересмотръ законовъ объ урожденствѣ (*Heimath*), о бракѣ и относительно бѣдныхъ, въ смыслѣ облегченія тягостей общинъ *).

3) Коренная реформа налоговъ съ цѣлью облегченія поземельной собственности и трудящихся классовъ населенія и болѣе строгаго привлеченія къ платежу нынѣ столь чрезвычайно покровительствуемаго крупнаго денежнаго капитала. Вычетъ процентовъ за долги при платежѣ поземельнаго, долговаго и промышленнаго налога.

4) Развитіе и распространеніе системы косвенныхъ налоговъ въ видахъ открытія средствъ для сокращенія прямыхъ налоговъ и уменьшенія общинныхъ сборовъ.

Умѣренные пошлины на ввозимые товары съ цѣлью защиты отечественнаго труда, въ особенности сельско-хозяйственныхъ произведеній, отъ преобладающей его заграничной конкуренціи.

5) Измѣненіе нынѣшняго зако-

*) Весь второй параграфъ отсутствовалъ въ первоначальной программѣ Тюнгента и былъ вставленъ по желанію крестьянъ.

на о пошлинѣ на хлѣбное вино, такъ чтобы и мелкій винокуръ могъ существовать *). Кабачная пошлина, обложение промежуточной торговли (Zwischenhandel).

6) Пересмотръ закона о судебныхъ пошлинахъ (Gebühren) для уравнения поземельного владѣнія съ движимымъ имуществомъ.

Съ этою цѣлью: Уменьшеніе пошлинъ, при договорахъ о недвижимостяхъ и при перемѣнѣ собственника, на три съ тысячи съ вычетомъ долговъ. Отмѣненіе пошлинъ при отдачѣ имѣнія въ закладъ и при аукционной продажѣ оного.

Введеніе биржеваго налога въ процентахъ оборота капитала по крайней мѣрѣ 1 съ тысячи.

7) Изданіе закона о наследствѣ, соотвѣтственнаго существу поземельнаго владѣнія (Anerbengesetz).

8) Принятіе на себя государства крестьянскихъ ипотечныхъ долговъ, по образцу прежняго выкупа крестьянскаго надѣла, и превращеніе этихъ долговъ въ ренту съ ежегоднымъ погашеніемъ.

9) Измѣненіе положеній о принудительномъ аукционѣ (Subhastations- und Executionsordnung), дабы крестьянскія имѣнія не попадали за ничтожныя цѣны въ руки ростовщиковъ и землепребителѣй (Güterschlächter **).

Освобожденіе отъ продажи съ молотка необходимой для веденія хозяйства части земли, строеній, занасовъ, орудій и скота. Heimstätten-gesetz (законъ объ очагѣ).

10) Созданіе государственныхъ или общественныхъ закладныхъ учреждений для поземельнаго кредита, а также Рейфайзенскихъ ссудныхъ кассъ для личнаго кредита, послѣднія по возможности въ каждой сельской общинѣ, и поддержка ихъ изъ общественныхъ средствъ за умѣренную процентную плату.

11) Превращеніе такъ называемаго «Императорскаго банка» въ дѣйствительное учрежденіе для всей Германской имперіи.

Отмѣненіе привилегій ассигнационныхъ банковъ на фабрикацію денегъ.

Выдача имперскихъ ассигнацій вмѣсто банковыхъ и доставленіе ихъ общественнымъ денежнымъ учрежденіямъ за самый низкій процентъ, дабы и всякій бѣднякъ могъ сдѣлать дешевый заемъ.

12) Введеніе двойной металлической единицы (Doppelwährung) вмѣсто Goldwährung, дабы произведенное паденіемъ въ цѣнѣ серебра и приходящее на пользу однимъ банкирамъ и биржевикамъ вздорожаніе денегъ было устранено и упавшія цѣны на имѣнія и товары могли опять подняться.

«Крестьянская программа», каково бы ни было впечатлѣніе, производимое ея положеніемъ, должна быть признана обхватывающею самыя разнообразныя стороны сельскаго быта и даже далеко выходящею за его предѣлы. Весьма понятно, что ея внезапное

появленіе, къ которому общество не было приготовлено печатью, и быстрое принятіе ея значительною частью германскаго крестьянства (почти повсемѣстно, кромѣ старыхъ бранденбургскихъ владѣній) произвели громадное впечатлѣніе и вызвали ожесточенныя нападенія враговъ. Такъ называемыя либеральныя и прогрессивныя газеты (буржуазнаго лагеря) ограничились сообщеніемъ объ образованіи ферейновъ, какъ о новомъ явленіи реакціи и юнкертума, не стѣнялись тѣмъ, что именно тамъ, гдѣ Junkerthum дѣйствительно преобладаетъ, на правомъ берегу Эльбы, ферейновъ и не появлялось (исключая одного, и то слабѣйшаго, въ Силезіи), напротивъ того, въ мѣстахъ образованія ферейновъ, въ мелко-германскихъ государствахъ и Рейнской Пруссіи — преобладаетъ не Junkerthum, а либерально-капиталистическій строй. Главными врагами, однако, крестьянскихъ ферейновъ явились «Сельско-хозяйственныя ферейны», существующіе уже съ давнихъ поръ и имѣющіе два главныхъ центра въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Эти почтенныя учрежденія, при всей ихъ дѣловитости и добросовѣстности, напомнившіе мнѣ русскіе сельско-хозяйственные съѣзды, надѣялись, что положеніе крестьянъ улучшится вслѣдствіе улучшенія сельско-хозяйственнаго производства, поднятій скотоводства, введенія новыхъ родовъ сѣмянъ и т. д., и пришли въ удивленіе и негодованіе отъ появленія рядомъ съ ними особыхъ крестьянскихъ ферейновъ. Въ противоположность съ мнѣніями «либеральной прессы», «сельско-хозяйственники» увидѣли въ крестьянскомъ движеніи явленіе не реакціи, а революціи; на Тюнгена и другихъ посылались обвиненія въ агитаціи, въ возбужденіи массъ и въ социалистическихъ тенденціяхъ *). — Одинъ взглядъ на личный составъ с.-х. ферейновъ объясняетъ ихъ обвиненія и доносы. Вотъ, наир., баварскій ферейнъ. Изъ четырехъ директоровъ три чиновника; изъ 20 членовъ главнаго комитета — 11 чиновниковъ; во главѣ каждого изъ окружныхъ комитетовъ стоитъ Regierungspräsident (что у насъ губернаторы), изъ 230 уѣздныхъ комитетовъ 152 (почти $\frac{2}{3}$) имѣютъ представителями чиновниковъ; наконецъ, и большая часть остальныхъ членовъ этого ферейна скорѣе «друзья сельскаго хозяйства», чѣмъ дѣйствительные сельскіе хозяева.

Отношеніе с.-х. ферейновъ къ крестьянамъ (которыхъ въ ихъ средѣ и не появлялось) ограничивалось, главнымъ образомъ, совѣтомъ: «быть бережливыми». — Справедливо возмущенный этимъ фарисействомъ Тюнгенъ возражаетъ (въ открытомъ письмѣ къ секретарю ферейна), что кромѣ совершенной отвычки отъ ѣды, крестьянину уже не осталось другой экономіи. «Не подходите къ намъ болѣе съ вашими рецептами объ искусственномъ навозѣ, истребленіи вредныхъ насекомыхъ и плетеніи численныхъ ульевъ; этимъ и собаки не отзовете вы отъ печки, и для такого вздора дѣло наше слишкомъ серьезно. — Крестьянское движеніе не искусственно созданное, а выросшее по необходимости и само собою изъ грѣховъ и упущеній ложной

*) Самая рѣзкая кригика крестьянскаго движенія была напечатана въ ливарской книжкѣ этого года «Zeitschrift des landwirthsch. Vereins» въ Мюнхенѣ.

экономической и социальной политики; потому оно и прорывается повсюду съ стихійною силою и отъ одного конца Германіи до другаго, какъ по магическому мановенію, раздается кликъ о собраніи и соединеніи раздѣленныхъ и разсѣянныхъ членовъ великаго крестьянскаго семейства для защиты его священныя благъ».

Я нарочно потому остановился на поземельно-агрономическомъ и социально-экономическомъ направленіи, что она живо напоминаетъ мнѣ споръ подобнаго же рода въ Россіи, не переходившій, конечно, за предѣлы журналовъ. Совѣтъ иначе въ Германіи. Если бы г. Тюнгенъ не достигъ ничего другаго, кромѣ того пробужденія крестьянъ, о которомъ онъ съ справедливой гордостью говоритъ выше, то и тогда заслуга его была бы громадна. Германскіе крестьяне всегда были самымъ крѣпкимъ и здоровымъ классомъ населенія, даже въ большемъ смыслѣ, нежели это можно сказать о крестьянствѣ другихъ странъ; они отличались особо живымъ сознаніемъ своихъ интересовъ и способностью стоять одинъ за другаго. Уже въ XVI в. они дѣлали попытку освободиться собственными силами и даже мечтали объ основаніи крестьянскаго государства. Это не удалось нигдѣ въ Германіи, исключая южной Швабіи, гдѣ, въ лѣсныхъ каптонахъ Люцернского озера, впервые возшло солнце швейцарской свободы. Крестьянское же государство основано было и побѣдоносно поддерживается въ наши дни голландскими бозрами въ Африкѣ, ближайшими соплеменниками крестьянъ германскихъ. Нѣчто подобное духу крестьянскихъ войнъ кажется мнѣ вѣющимъ и вытѣ въ формально неполитическихъ и строго легальныхъ крестьянскихъ ферейнахъ. Крестьянство возстало отъ сна, въ который оно было погружено послѣ жестокаго подавленія его движенія въ эпоху реформаціи, и теперь уже не легко будетъ усыпить его агрономическими рецептами.

Это пробужденіе германскаго крестьянства для насъ тѣмъ болѣе интересно, что есть очевидныя аналогіи между промежуточнымъ германскаго и русскаго крестьянства, которыя, при всей громадности имѣющихся различій, — позволяютъ предполагать нѣкоторое сходство вѣ будущемъ ихъ судьбѣ. При выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, крестьяне были почти свободны въ Германіи и не знали еще крѣпостнаго права въ Россіи; полное закрѣпощеніе ихъ послѣдовало въ Германіи въ XVI в., какъ реакція противъ ихъ стремленій къ совершенной свободѣ: въ Россіи, въ XVII в., при первыхъ Романовыхъ, какъ реакція противъ подобныхъ же стремленій, выразившихся въ смутное время *); эмансипація имѣла мѣсто въ обоихъ странахъ въ XIX в., — въ Пруссіи въ 1808 г., въ остальной Германіи въ 1848 г., въ Россіи въ 1861 г. Выбѣтъ съ эмансипаціей отъ помѣщичьихъ (а она въ Германіи, какъ и въ Австріи и Венгріи, также была соединена съ падѣломъ крестьянъ землею и выкупомъ оной при посредствѣ государства, какъ и въ Россіи, изъ чего слѣдуетъ, что очень ошибочно, видѣть въ мѣрѣ, у насъ

*) «Damit auch der kleine Brenner bestehen kann», прибавленіе сдѣланное крестьянами.

**) Опять крестьянская редакция.

*) Крестьянскія волненія въ смутное время были, въ свою очередь реакціей началу ихъ закрѣпощенія, сдѣланному еще въ XVI в. (Ред.)

принятой, конечно, под влиянием примѣра соседнихъ странъ, какую то особенность русской цивилизации), однако, наступило господство капитализма и закрѣпощеніе крестьянъ капиталистамъ—непосредственно мелкимъ ростовщикамъ, а черезъ нихъ и баронамъ и князьямъ отъ финансовъ. Теперь и радикальные писатели принуждены признать въ Германіи, какъ и въ Россіи, что крѣпостное право, при всѣхъ фактахъ грубаго наслія и нравственнаго униженія, которые сопровождали личную власть помѣщиковъ надъ крестьянами, все таки доставляло послѣднимъ нѣкоторую гарантію существованія (des nackten Lebens), тогда какъ капиталистическое право, въ Германіи установленное при содѣйствіи либеральныхъ парламентовъ, въ Россіи же вводимое съ помощью бюрократіи, подкапывается подъ самые корни крестьянской жизни, грозитъ крестьянамъ, а съ ними и государству, гибелью. Германское крестьянство создало это въ 1882 г. и годъ этотъ составитъ эру въ исторіи Германіи; когда увидимъ мы то же и въ нашемъ отечествѣ?...

Въ капитализмъ видитъ главное зло и вождь германскихъ крестьянъ. — «Въ этомъ надъ всѣмъ преобладающимъ экономическомъ направленіи,—говоритъ Тюнгентъ,—и заключается основная причина нашего матеріальнаго бѣдствія, равно какъ и ключъ къ рѣшенію социальнаго вопроса». — «Легальныя и нелегальныя преимущества и привилегіи крупнаго движимаго капитала не только высасываютъ жизненные соки крестьянства, но и производятъ всѣ трудящіеся классы на степень рабовъ относительно ничтожнаго меньшинства; они уже создали такую пропасть между богатыми и бѣдными, что, если она не будетъ сглажена коренными реформами, то вызоветъ страшнѣйшую изъ революцій». — «Крестьянинъ дошелъ до такого состоянія, что онъ долженъ сказать себѣ: до сихъ поръ, но не далѣе! далѣе такимъ образомъ идти не можемъ! Тѣ, которые спасли нѣчто изъ лучшаго времени, пробавляются еще этимъ запасомъ, но долго длиться онъ не можетъ и они останутся безъ ничего; другіе живутъ изо дня въ день и должны пускаться въ долги, только чтобы поддержать существованіе. Хуже всего тѣмъ, которые страдали подъ тягостью долга еще въ прежнюю эпоху: имъ приходится дѣлать новые долги, чтобъ только платить проценты за старые. Конецъ пѣсни для всѣхъ одинаковъ: полное раззореніе и изгнаніе изъ дома и двора».

Тюнгентъ не считаетъ никакую отдѣльную мѣру достаточною: зло лежитъ слишкомъ глубоко и получило уже слишкомъ широкое развитіе; помочь можетъ только цѣлая система мѣропріятій, представленная въ крестьянской программѣ. Тюнгентъ утверждаетъ, что онъ ограничился, при составленіи ея, однимъ важнѣйшимъ и безотлагательнѣйшимъ требованіемъ. «Но эти»,—говоритъ онъ, — «должны быть осуществлены, всѣ безъ исключенія, и немедленно, если мы не хотимъ скоро услышать страшное слово: слишкомъ поздно!»

Тюнгентъ протестуетъ противъ обвиненія

крестьянскаго движенія въ преслѣдованіи одностороннихъ цѣлей, онъ выражаетъ горячее сочувствіе къ страданіямъ и лишеніямъ класса фабричныхъ рабочихъ. «Но», говоритъ онъ, «положеніе крестьянъ не лучше положенія рабочихъ и помощь не менѣе необходима. Въ крестьянскомъ вопросѣ лежитъ большая половина социальнаго вопроса, такъ какъ на 1 фабричнаго рабочаго въ Германіи приходится 10 крестьянъ и всего, что съ ними стоитъ въ связи».

При всемъ уваженіи, внушаемомъ мнѣ знакомствомъ, не только съ рѣчами, но и съ дѣйствіями знаменитаго «Аграрія», при всемъ сочувствіи къ борьбѣ крестьянъ противъ гидры капитализма, я долженъ особенно указать на самую слабую сторону движенія, сказывающуюся и въ послѣднихъ словахъ, приведенныхъ выше. Г. Тюнгентъ правъ, считая солидарнымъ крестьянъ и «все что съ ними стоитъ въ связи» (und alles was mit ihnen zusammenhängt); но если самимъ Тюнгентомъ и его товарищами былъ снятъ барьеръ, отдѣлявшій крестьянство отъ высшаго сельскаго слоя—дворянства и крупнаго землевладѣнія, то непременно долженъ быть снятъ барьеръ и въ противоположную сторону, къ низшему сельскому слою—батракамъ и рабочимъ; къ непосредственнымъ воздѣлывателямъ почвы должно быть примѣнено все говоримое о крестьянствѣ, о его положеніи и бѣдствіяхъ, и еще въ сильнѣйшей степени, — или же крестьянскіе дѣятели такъ же мало имѣютъ права подкрѣплять свои требованія указаніемъ на численность сельскихъ обывателей, считая между ними и рабочихъ не-хозяевъ, какъ рабовладѣтели подавать голоса за своихъ рабовъ.

Слѣдуетъ прибавить, что наибольшее препятствіе въ признаніи правъ сельскаго пролетаріата заключается въ закоренѣлыхъ чувствахъ самихъ крестьянъ-хозяевъ, тогда какъ между дѣятелями ферейновъ, не-крестьянами, существуетъ уже болѣе либеральная партія, причисляющая къ крестьянамъ какъ всѣхъ землевладѣльцевъ, такъ и всѣхъ земледѣльцевъ.

По моему мнѣнію, отъ развитія и преобладанія этой партіи зависитъ вся будущность крестьянскаго движенія. Argus.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

III.

Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ.

Не новымъ, но хронически развивающимся недугомъ нашего земства является его постепенное увеличивающееся обѣднѣніе. Въ теченіи послѣднихъ сессій, мы встрѣчаемъ прямые заявленія о недостаткѣ средствъ въ земствахъ Новгородской, Уфимской, Пермской, Саратовской, Курской, Казанской, Костромской и Самарской губерній, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской, Полтавской, Херсонской и Таврической губ. Типраспольская уѣздная земская управа заявила земскому собранію, что она поставлена въ положительно критическое положеніе и что у ней не оказывается достаточныхъ суммъ для покрытія даже обязательныхъ расходовъ. Курское губ. земск. собраніе, въ виду такого же положенія нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, ходатайствуетъ объ открытіи ему кредита отъ правительства въ 250 т. р. Городнянское земство объявило себя также въ безвыход-

номъ положеніи и не въ состояніи даже продолжать расходы на народное образованіе. Въ Новгородской губ. бѣдность земства дошла до того, что тихвинское земское собраніе еще въ 1880 г. рѣшилось, въ случаѣ непоступленія доходовъ въ большемъ количествѣ, прекратить всѣ обязательные расходы, а относительно обязательныхъ просить правительство принять ихъ за счетъ земства въ свое вѣденіе и распоряженіе; череповецкое же въ прошлую сессію постановило впредь до измѣненія законоположеній, опредѣляющихъ весьма неполное участіе населенія въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, 1) сообщить губернатору, что въ непродолжительномъ времени обстоятельства должны вызвать примѣненіе 1820/10 ст. полож. о земск. учр., и 2) сообщить плательщикамъ, что расходы, относящіеся къ такъ называемымъ необязательнымъ расходамъ (народная медицина, народн. образов. и пр.), должны быть прекращены въ случаѣ продолженія нынѣшняго положенія дѣлъ. Общія причины такого обѣднѣнія земствъ указаны уже въ статьѣ «Восемьдесятъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» — и намъ остается намѣтить только нѣкоторые болѣе или менѣе краснорѣчивыя детали, имѣющіяся въ доставленныхъ намъ матеріалахъ. Прежде всего мы должны указать на факты, относящіеся къ обремененію земства такъ наз. обязательными расходами, поглощающими если не большую, то во всякомъ случаѣ очень значительную часть земскихъ доходовъ. Не только въ названныхъ нами губерніяхъ, но почти безъ исключенія во всѣхъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, обязательные расходы колеблются между 30—50 % всего земскаго бюджета, въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ цифры обязательныхъ расходовъ значительно превышаютъ цифры необязательныхъ:

Обяз. расх. необяз. расх.

Кролевец. у. (Черн. г.)	29.080 р.	27.332
Костромск. губ.	66.054 >	34.963
Пермск. губ.	173.376 >	108.016

и т. д.

Такимъ образомъ интересы народнаго образованія, здоровья, экономическаго благосостоянія и т. п., словомъ—самые существенные интересы населенія, заботиться о которыхъ, впрочемъ, земству по закону не обязательно, приносятся въ жертву такимъ государственно-необходимымъ и для земства обязательнымъ вещамъ, какъ содержаніе всевозможной полиціи и цѣлаго ряда совершенно бесполезныхъ для земства и населенія учреждений. Не говоря уже объ институтѣ урядниковъ, заявленія о бесполезности и даже вредѣ котораго сдѣланы уже общимъ мѣстомъ и объ уничтоженіи котораго петербургское земство продолжаетъ ходатайствовать, не смотри на протестъ губернатора, обжалованный земствомъ въ Сенатъ, въ отчетахъ о послѣднихъ сессіяхъ земствъ мы находимъ цѣлый рядъ ходатайствъ о прекращеніи обязательности земскихъ расходовъ на содержаніе различныхъ, никому не нужныхъ учреждений. Изъ такихъ ходатайствъ мы напомнимъ читателямъ только рѣшенія таврическаго и ярославскаго губ. земск. собран., просящихъ о сложеніи съ нихъ рас-

хода на содержаніе губ. статистических комитетов и о передачѣ статистических работъ въ руки земства и затѣмъ рѣшенія саратовскаго губернскаго, кролевскаго и нѣсколькихъ другихъ черниговскихъ уѣздныхъ земствъ, ходатайствующихъ объ упраздненіи присутствій по кр. дѣламъ, опять таки съ передачей дѣлъ этихъ учреждений земству. Эти два примѣра прекрасно характеризуютъ какъ тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ земство тяготеетъ обязательнымъ содержаніемъ подобныхъ учреждений, такъ и причины, по которымъ правительство сохраняетъ эти учреждения и не желаетъ передать ихъ земству.

Затѣмъ въ отчетахъ послѣднихъ земскихъ собраній мы находимъ цѣлые ряды цифръ и фактовъ, указывающихъ до какой степени вся тяжесть земскихъ налоговъ падаетъ на землю, оставляя почти свободными отъ платежей торговые и промышленныя предприятия. Даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, менѣе всего земледѣльческихъ, болѣе $\frac{7}{10}$ всѣхъ налоговъ взимается съ земли — почти ничего не дающей, и только самый ничтожный процентъ налоговъ падаетъ на промышленность, что, разумѣется, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія земствъ. Въ Сосницкомъ, напр., уѣздѣ съ земли взимается 75% всѣхъ налоговъ, съ промышленныхъ же заведеній только 24% , въ Кролевскомъ у. съ земли 74% — съ торговли и промысловъ 17% , въ Новгородѣ-Зверск. у. съ земли 75% , съ торговли и промышленности заведеній только 13% ... и т. д. Въ виду подобнаго же положенія дѣлъ, екатеринбургское земск. собр. рѣшило установить новую норму для оцѣнки промышленныхъ заведеній въ уѣздѣ по ихъ стоимости и доходности, а казанское губ. земство рѣшило присоединиться къ ходатайствамъ свѣяжскаго у. земствъ. обѣ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 г., ограничивающаго права земск. учреждений на обложеніе торговыхъ документовъ, а также промышленныхъ и торговыхъ заведеній. При отнесеніи же почти всей тяжести земскихъ налоговъ на землю и при неизбежности разныхъ сословныхъ злоупотребленій въ раскладкѣ, является вполне естественнымъ образомъ то, что крестьянскія земли оказываются оцѣненными гораздо выше помѣщичьихъ и поэтому несутъ на себѣ главное бремя налоговъ. Изъ фактовъ послѣдняго времени, указывающихъ на такое явленіе, отмѣтимъ постановленіе валдайскаго земства, констатирующее несправедливость раздѣленія земель при раскладкѣ на два разряда, при чемъ первый разрядъ, къ которому принадлежатъ главнымъ образомъ крестьянскія земли, оцѣненъ почти въ 45 разъ болѣе второго, состоящаго почти исключительно изъ земель помѣщичьихъ. Почти всѣ земства жалуются на уклоненіе отъ налоговъ преимущественно со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ Острожскомъ уѣздѣ, Воронежск. губерніи, обнаружено сокрытіе отъ обложенія ни больше, ни меньше, какъ 186.000 дес., при чемъ въ сокрытіи этомъ оказались заинтересованными именно крупные землевладѣльцы. Очень интересно при этомъ то, что самая почетная роль въ фактѣ уклоненія отъ земскихъ налоговъ принадлежитъ «первымъ дворянамъ» Россійской имперіи, гг. Романовымъ, которые, какъ оказы-

вается изъ вопроса, возбужденнаго на одномъ изъ послѣднихъ собраній петербургскаго губ. земства 1882 г., позаботились вовсе освободить свои имущества отъ земскихъ налоговъ. Осторожное земство не рискнуло ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи облагать земскими сборами дворцовыя имущества, а передало этотъ вопросъ на заключеніе земской управы, имѣя въ виду разсмотрѣть его въ будущемъ экстренномъ собраніи.

Не менѣе замѣтнымъ и почетнымъ образомъ фигурируютъ крупное землевладѣніе и промышленность, а также и само правительство и въ постепенномъ возрастаніи земскихъ недомокъ. Жалобы на это постоянно прогрессирующее зло раздаются рѣшительно отовсюду. Въ нашихъ матеріалахъ мы имѣемъ заявленія объ этомъ со стороны земствъ Петербургской, Новгородской, Саратовской, Казанской, Уфимской, Пермской, Владимірской, Курской, Черниговской, Полтавской, Херсонской и Таврической губ. При этомъ петербургское земск. собраніе прямо констатируетъ, что большинство крестьянъ платитъ земскій сборъ аккуратно, накопленіе же недомокъ происходитъ главнымъ образомъ за землевладѣльцами, дачевладѣльцами, заводчиками и прочими господами, не платящими земскихъ сборовъ вовсе не вслѣдствіе ихъ несостоятельности, а просто по незаботливости, неаккуратности, а частью и по нежеланію платить. Пермское же земство освѣщаетъ это еще болѣе, заявляя, что причина накопленія недомокъ на владѣльческихъ земляхъ заключается главнымъ образомъ въ безправіи земства относительно взысканія и въ совершенномъ бездѣйствіи въ этомъ отношеніи мѣстной полиціи, не всегда рѣшающей прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, въ виду крупнаго положенія нѣкоторыхъ владѣльцевъ (кн. Голицыныхъ, гр. Шуваловыхъ, гг. Всеволожскихъ и др.) въ административныхъ и бюрократическихъ сферахъ столицы. Администрація, впрочемъ, не ограничивается тѣмъ косвеннымъ поощреніемъ подобныхъ фактовъ, какое она оказываетъ своимъ вообще пренебрежительнымъ отношеніемъ къ земству, но и сама не отстаетъ отъ протѣжируемыхъ имъ сословій. Петербургское земство, между прочими причинами накопленія недомокъ, указываетъ прямо на то, что недомки все таки не дошли бы до такихъ размѣровъ, какъ теперь, «если бы уѣздныя казначейства, въ видахъ болѣе успѣшнаго очищенія казенныхъ недомокъ, не зачисляли вносимыя сельскими обществами деньги цѣлкомъ въ уплату казенныхъ взысканій, а производили бы соразмѣрный распредѣленія по всѣмъ сборамъ». Наконецъ, въ томъ же с.-петербургскомъ губ. земск. собраніи было заявлено, что въ числѣ главныхъ недомокъ по Царскосельскому уѣзду одно морское министерство должно земству 42000 р!... Принимая при этомъ во вниманіе, что земство не можетъ преслѣдовать своихъ должниковъ судебнымъ порядкомъ, совершенно понятно то, что вопросъ о недомкахъ есть одинъ (изъ многихъ, впрочемъ) безвыходныхъ вопросовъ земства, а, кромѣ того, еще болѣе понятно и то, что почти всѣ земства, принимая различныя мѣры къ разрѣшенію этого вопроса останавливаются, между прочимъ, единогласно

на одномъ: на совершенномъ устраненіи отъ этого дѣла полиціи и на передачѣ дѣла сборовъ въ руки самого земства. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ ходатайства земствъ сводятся къ тому же, что мы видимъ и въ другихъ, т. е. къ желанію только не вмѣшательства государства въ земскія дѣла...

Между тѣмъ обремененіе крестьянскихъ земель, кромѣ государственныхъ сборовъ, почти всей массой земскихъ налоговъ приносить свои результаты. «Предметы обложенія» начинаютъ постепенно и очень замѣтно терять свои платежныя способности и это, въ свою очередь, становится главной и при томъ основною, органическою причиною обѣднѣнія земствъ. Далѣе мы будемъ говорить по этому поводу при разсмотрѣніи дѣятельности земства по вопросу о продовольствіи, теперь же намѣтимъ только констатируемые земствомъ факты народнаго обнищанія. Но такъ какъ фактовъ чрезвычайно много, то мы ограничимся только указаніемъ на статистическія работы нѣкоторыхъ земствъ для уясненія этого вопроса, въ видѣ же вступленія, позволимъ себѣ привести выписку изъ словъ, которыми начинается свой докладъ земская коммиссія, разработывавшая вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей въ Суражскомъ уѣздѣ: «Согласно желанію г. Министра Вн. Дѣл., выраженному въ письмѣ (вѣроятно къ предсѣдателю губернской земск. управы), коммиссія не имѣетъ намѣренія рисовать картину бѣдственнаго положенія своего края... Она не только не будетъ рисовать этой картины яркими красками, но, какъ угодно г. Министру, постарается вообще избѣгать всякой рисовки, полагая и надѣясь, что бѣдность Суражскаго уѣзда известна всѣмъ — и правительству, и читающему міру!...» Такъ, разумѣется, могло бы начать свой докладъ и любое изъ русскихъ земствъ — и къ чести по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ нужно сказать, что, не смотря на выраженное съ такимъ безпредѣльнымъ цинизмомъ «желаніе г. Министра» или, лучше сказать, приказаніе его объ умышленномъ сокрытіи настоящаго положенія дѣлъ, они назначили коммиссіи и разработали довольно обстоятельно вопросъ о наемѣ, быстро возрастающемъ, пауперизмѣ. Изъ такого рода работъ мы узнаемъ, напр., что въ Днѣпровскомъ уѣздѣ количество совершенно безземельныхъ крестьянъ, т. е. настоящихъ уже пролетаріевъ, достигло въ настоящее время до довольно почтенной цифры — 15000 чел., что вольское, мариупольское, екатеринославское и др. земства хлопотутъ объ учрежденіи какихъ нибудь общественныхъ работъ для поддержанія голодающаго населенія... Затѣмъ статистическое бюро саратовскаго земства изслѣдовало семь волостей, изъ которыхъ въ одной, напр., ближайшей къ Саратову, $32,2\%$ всѣхъ домохозяевъ оказались не имѣющими лошадей, $31,8\%$ имѣющими по одной лошади, $19,5\%$ по 3 и только 4% имѣютъ болѣе 3-хъ лошадей въ хозяйствѣ. Московское земство тоже произвело изслѣдованіе экономическаго положенія крестьянъ и изъ этого изслѣдованія оказывается, что во всей Московской губерніи считается уже 29945 надѣльныхъ дворовъ, прекратив-

ших свое хозяйство. Из собранных для выяснения причин этого явления и приведенных в порядок данных по 25 волостям видно, что из 4254 безхозяйственных семей (из которых о 226 дворах сведений не собрано) 1600 семей бездомных, 39% прекратили хозяйство вследствие постепенного истощения или обезсилы от непомыслимых налогов, 10% вследствие семейных раздоров, 4% вследствие продажи скота на покрытие недоимок, 2,5% от пожаров, остальные в большинстве случаев оттого, что одна земля в Московской губ. не может дать семьи средств для прокормления и уплаты податей. Положение некоторых волостей Чистопольского уезда, Казанск. губ., поистине ужасно и «они представляют самый редкий примѣръ обнищанія», в двух волостях Царевококшайского у. $\frac{1}{3}$ дворов не имѣет вовсе рогатого скота и одна корова приходится на 5—6 дворов. Во время сессии казанскаго г. земск. собр. от самого губернатора(!) было получено уведомление о 21 случае заболѣванія от голода в Тетюшском уездѣ, а на столѣ собранія фигурировалъ хлѣбъ съ лебедой, которымъ питается население!... Эти немногіе примѣры достаточно краснорѣчивы для того, чтобы согласиться съ валдайскимъ земствомъ, которое говоритъ, что въ концѣ концовъ основною причиною накопленія недоимокъ и обнищанія земства слѣдуетъ считать «недостаточность развитія производительныхъ силъ страны, низкій уровень экономическаго быта и упадокъ умственнаго развитія народа», обусловливаемые нашей полной политической безурядицей—прибавимъ мы отъ себя. Не удивительно при этихъ условияхъ, что крейсера добровольнаго флота заняты теперь перевозкою населенія плодороднѣйшихъ мѣстностей имперіи (Нѣжинскій, напр., уездъ и пр.) въ Уссурийскій край (что, между прочимъ, по вычисленію самого даже офиціознаго «Кіевлянина», обходится правительству гораздо дороже, чѣмъ обошлась бы покупка земли переселенцамъ въ той же Черниг. губ.), что всѣ земства заняты хлопотами по организаціи переселеній изъ страны, и безъ того очень рѣдко населенной, и что продовольственный вопросъ сдѣлался самымъ настоятельнымъ и самымъ грознымъ вопросомъ почти каждаго земства.

Въ Тираспольскомъ уездѣ, Херсонской губ., земство поставлено, по случаю неурожая, въ безвыходное положеніе. По исчисленіямъ управы, нужно засѣять на счетъ продовольственнаго капитала 70000 дес. на 315000 р., да помимо обмѣненія нужно еще хлѣба на 75000 р.—управа имѣетъ всего 140000 р. и ей недостаетъ слѣдовательно 250000 руб. Курск. губ. земство ассигновало 200000 р. изъ своего продовольственнаго капитала и кромѣ того постановило ходатайствовать объ отпускѣ на тотъ же предметъ 700000 руб. изъ госуд. продов. капитала. Вятская губ. земск. управа просила для выдачи уѣзднымъ земствамъ продовольственныхъ ссудъ 178 т. рубл. и получила отъ губернскаго земскаго собранія только 50000, тогда какъ, наприм., полновское земство нуждается въ 20 т. Казанское земство израсходовало весь свой наличный продовольственный капиталъ въ 278 т. р. вследствие неурожая и упадка крестьян-

наскаго хозяйства въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, населеніе которыхъ состоитъ уже и безъ того главнымъ должникомъ продовольственнаго капитала. Пермское земство изъ году въ годъ должно прокармливать инородческое населеніе губерніи и въ прошломъ году ассигновало на это 70000 р. Въ Воронежской губерніи уѣздныя земства, находящіяся въ самомъ критическомъ положеніи относительно хлѣбныхъ запасовъ, потребовали изъ губ. продовольственнаго капитала 691 тыс. р., т. е. $\frac{2}{3}$ всего продовольственнаго капитала, при чемъ и въ этомъ году невозможно надѣяться на урожай, такъ какъ огромныя пространства земли остались пашающими. Кромѣ того земство ходатайствуетъ передъ правительствомъ о ссудѣ 100 т. р. на принятіе мѣръ противъ саранчи. Населеніе Мариупольскаго уѣзда (Екатеринославской губ.) состоитъ уже въ долгу выѣсть съ вновь выданными ему теперь 507850 р. — на 757527 р. Эта цифра представляетъ недоимку только по продовольственному капиталу и въ нее не входятъ ни губернскіе и земскіе сборы, ни другія обложенія, составляющіе въ совокупности массу, по мнѣнію управы, рѣшительно неплатныхъ долговъ. Общая сумма продовольственныхъ долговъ по Казанской губ. простиралась еще къ 1 сентября 1881 г. (выѣсть съ долгомъ въ общій продовольственный капиталъ) до внушительной цифры 2.323.000 рубл. деньгами и 471000 четв. хлѣбомъ. Въ некоторыхъ сельскихъ обществахъ эти продовольственные долги превышаютъ 15 р. на ревизскую душу, и оказывается, что, при полномъ взиманіи этого долга, недоимокъ и повинностей, у крестьянина останется съ женою и дѣтьми на годовое существованіе отъ 70 коп. до 3 рубл. «Вотъ картина, заключающая докладъ, нашего деревенскаго быта, этой силы государства... И это еще въ нынѣшнемъ году, когда крестьяне еще не могутъ пожаловаться на неурожай». Само собою разумѣется, что тутъ не помогутъ мѣры въ родѣ взиманія % съ продовольственныхъ ссудъ, о чемъ ходатайствуетъ пермское и другія земства, совершенно справедливо находя взысканіе этихъ % вопіющимъ безобразіемъ, не помогутъ и общественныя запашки, проектируемыя бирскимъ и др. земствами, врядъ ли много помогутъ и крестьянскіе банки и ссуды крестьянамъ на покупку земель, о чемъ такъ много говорило земство и что обѣщало, наконецъ, устроить и само правительство... Здѣсь нужны другія мѣры, на которыя отчасти указываютъ давно уже, напр., казанское и прочія земства, говоря о надѣлѣ крестьянъ казенными землями, о наложеніи вывозной пошлины на русскій хлѣбъ, объ уменьшеніи налоговъ вообще, о преобразованіи крестьянскихъ и земскихъ учреждений въ смыслѣ настоящаго самоуправленія и т. п. Но всѣ эти мѣры, какъ извѣстно, не входятъ въ компетенцію земства, въ качествѣ запретныхъ для него «общегосударственныхъ» вопросовъ.

Впрочемъ, по поводу двухъ изъ этихъ «общегосударственныхъ» вопросовъ, а именно по вопросамъ о выкупныхъ платежахъ и о преобразованіи мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, правительство и удостоило было даже обратиться къ земству. Но тутъ,

не смотря на указанное нами уже очень краснорѣчивое предупрежденіе со стороны г. министра, — ему пришлось выслушать отъ земства далеко не то, чего хотѣлось, и не то, на что павно или ненаивно разсчитывала пародничествовавшая клика, подбившая своего самодержавнаго недоросля осчастливить народъ дешевенькимъ пониженіемъ выкупныхъ платежей. Отнесаясь совершенно серьезно къ предложеннымъ вопросамъ и обсудивши ихъ всесторонне, земства по необходимости должны были высказать свои мнѣнія, изложивши при этомъ тѣ данныя объ общемъ экономическомъ положеніи сельскаго населенія, на основаніи которыхъ они пришли къ высказаннымъ ими заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи запросъ правительства земствамъ (какъ говоритъ докладъ королевской земской коммисіи) засталъ нѣкоторые изъ послѣднихъ до извѣстной степени врасплохъ, такъ какъ у нихъ не оказалось въ достаточномъ количествѣ готовыхъ матеріаловъ, хотя это, разумѣется, произошло далеко не по ихъ винѣ. При самомъ еще началѣ своего существованія земскія учрежденія подняли вопросъ о необходимости для рациональнаго веденія земскаго хозяйства экономическихъ изслѣдованій, по этимъ стремленіямъ были сразу ограничены циркуляромъ Министерства Вн. Дѣлъ (1867 г.), указывавшимъ, что подобныя изслѣдованія не входятъ по закону въ кругъ земской дѣятельности и что о всякихъ экономическихъ невзгодахъ заботится само правительство. Въ силу этого циркуляра начались постоянныя столкновенія и препятствія по поводу земскихъ статистическихъ работъ. Достаточно вспомнить, напр., приостановку харьковскимъ генералъ-губернаторомъ (либеральнымъ Л. Меликовымъ) хода статистическихъ работъ въ Нѣжинскомъ уездѣ и т. п. Въ виду происшедшаго отъ такихъ причинъ недостатка въ статистическихъ данныхъ, многія земства поторопились пополнить свои свѣдѣнія путемъ спеціально произведенныхъ изслѣдованій и представили чрезвычайно обстоятельныя и полныя доклады по предложеннымъ имъ вопросамъ. Эти собранныя земствами свѣдѣнія и данныя въ большинствѣ случаевъ представляли такія поразжающія картины, какія, само собою, не могли согласоваться ни съ офиціальными свѣдѣніями, представлявшими администраціей, ни съ упомянутымъ нами «желаніемъ г. министра». Вслѣдствіе этого, представленія многихъ земствъ по этимъ вопросамъ были остановлены губернаторами, на основаніи 9 и 94 ст. положенія имѣющимъ право «остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учреждений, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ законамъ». Какое имѣлъ отношеніе этотъ законъ къ постановленіямъ земск. собраній, отвѣчавшимъ на запросы самого правительства, — разумѣется, мудрено понять, — но тѣмъ не менѣе были остановлены, т. е. недопущены къ передачѣ правительству, постановленія земствъ: херсонскаго, тверскаго, новгородскаго, владимірскаго и еще нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти земства пришли почти къ одинаковымъ заключеніямъ, которыя сводятся приблизительно къ тѣмъ выводамъ, какіе были сдѣланы, напр., харьковскимъ земствомъ. Земельные надѣлы крестьянъ, по мнѣ-

нию этого земства, на столько малы, что их не хватает даже на прокормление, не говоря уже о податях, повинностях и, в частности, о выкупных платежах. «Плохое нынешнее положение крестьян, говорить доклад земства, придет в еще большее разстройство и будет грозить серьезными потрясениями государству, если не будут приняты радикальные меры, направленные непосредственно на главные причины экономического разстройства крестьянского быта». К этим причинам земство относит: недостаточность земельного надела, быстро возрастающую арендную плату за землю, нераціональную податную систему, всю тяжесть ложащуюся на крестьянство и т. п. В уменьшении выкупных платежей земство видит паллиатив, который может оказать пользу только в связи с другими, более радикальными мерами. Эти свои выводы харьковское и прочие земства мотивируют целыми рядами фактов, которые отчасти послужили также поводом к губернаторскому veto. Недостаток места заставляет нас ограничиться указанием только главнейших из этих фактов. Из свѣдѣній по Херсонской губернии видно, наприм., что в ней в теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ образовался новый классъ совершенно безземельнаго селянскаго пролетариата. Это по большей части бывшіе крѣпостные тѣхъ прозорливыхъ крупныхъ помѣщиковъ, которые, подобно, напр., владѣльцѣ мѣстечка Окны, кн. Гагаринной, провѣдавъ объ освобожденіи крестьянъ и предугадавши, конечно, увеличеніе цѣны и спросъ на землю, выпустили крестьянъ на волю до манифеста 19 февраля безъ надела ихъ землею, но взявши съ нихъ еще выкупъ за личную свободу. Такихъ крестьянъ имѣются въ губерніи цѣлыя тысячи—они живутъ въ деревняхъ и, не имѣя ни клочка своей земли, состоятъ «десятишниками». Кроме того, земство насчитываетъ въ одной Херсонской губ. до 20000 крестьянъ, имѣющихъ въ пользованіи менѣе одной десятины, включая сюда и усадьбную землю, и выгоны, и пустыри и т. п. Положение этихъ крестьянъ тѣмъ ужаснѣе, что многія помѣщичьи земли перешли или въ собственность или въ арендное содержаніе русскихъ купцовъ-кулаковъ, измѣвъ и въ особенности евреевъ, которые, ведя хозяйство самымъ хищническимъ образомъ, получаютъ съ крестьянъ почти весь ихъ заработокъ, вслѣдствіе чего положеніе крестьянъ во многихъ мѣстахъ гораздо хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ. На основаніи всего этого земство считаетъ необходимымъ мѣры болѣе радикальныя, чѣмъ предположенное пониженіе выкупныхъ платежей и между этими мѣрами прежде всего безоглачительное надѣленіе крестьянъ землею, такъ какъ съ теченіемъ времени правительство принуждено будетъ производить раздачу крестьянамъ казенныхъ земель далеко не при тѣхъ условіяхъ, какія могутъ быть при скорѣйшемъ принятіи мѣръ въ настоящее время.

Изъ земствъ, представленія которыхъ не были остановлены губернаторами и подверглись только болѣе или менѣе легкой губер-

наторской цензурѣ, крелевецкое, напр., земство пришло по вопросу о выкупныхъ платежахъ къ тому заключенію, что подушныя подати выстѣ съ выкупными платежами на столько велики и неправильно распределены, что вполне оправдываютъ неаккуратность или даже полное отсутствіе взносовъ со стороны крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности привести подлинныя выраженія земскаго доклада, такъ какъ они въ этомъ мѣстѣ цензурою не пропущены и поэтому намъ цензурны, судя же по очищенному цензурою докладу, земство мотивируетъ это свое мнѣніе прежде всего крайней недостаточностью надѣловъ, особенно у крестьянъ, получившихъ даровой надѣлъ. Между прочимъ докладъ указываетъ на положеніе и надѣлы бывшихъ крестьянъ гр. Алексѣя Толстого и говоритъ, что сколько ни уменьшай выкупныхъ платежей, по отношенію къ нимъ это не приведетъ ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ надѣленная имъ земля даетъ съ десятины только 3 копы ржи. Болѣе или менѣе подобные же отзывы заключаются и въ извѣстныхъ намъ отвѣтахъ земствъ: конопотскаго, козелецкаго, суражскаго, полтавскаго, миргородскаго, елисаветградскаго, самарскаго, новгородскаго и др. Между прочимъ, въ этихъ отвѣтахъ особенное вниманіе обращаютъ на себя заявленія суражскаго земства о томъ, что $\frac{3}{4}$ всей помѣщичьей земли въ уѣздѣ приобрѣтено или арендуется евреями, и елисаветградскаго о необходимости исключенія этого уѣзда изъ числа мѣстностей, предоставленныхъ къ переселенію на казенныя земли выходцевъ изъ внутреннихъ губерній.

О. В.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Евангеліе и набатчики въ Кіевѣ. Въ нѣсколькихъ газетахъ явились вѣсти, что недавно, по доносамъ набатчиковъ, напуганныхъ тѣмъ, что населеніе предм. Кіева, Деміевки, охладѣло къ кабакамъ и собирается по воскресеніямъ слушать проповѣди отставнаго солдата Андреева, состоялся арестъ этого проповѣдника ученія, близкаго къ баптизму (штундѣ), при чемъ полиція захватила и вѣнскія изданія (украинскіе переводы) книгъ ветхаго и новаго завета. Что кабакъ для російской администраціи дороже Евангелія, — это не ново, — но въ этой исторіи Андреева интересно поученіе для тѣхъ изъ догадливыхъ украинфиловъ, которые, — начиная съ почтеннаго Н. И. Костомарова, — забьгали (въ петербургскихъ, кіевскихъ и даже львовскихъ изданіяхъ) передъ русскимъ правительствомъ и св. синодомъ, что молъ только пустите украинскій переводъ Евангелія, такъ мы имъ и штунду, и прочія противуцерковныя секты поборемъ. Оказалось, что переводъ-то этотъ нежеде всего и понадобился противуцерковнымъ сектантамъ. А вѣдь это такъ легко было предвидѣть, зная сколько нибудь религіозную исторію Европы! Но на бѣду російскіе политики, даже и очень ученые и умные, какъ разъ того и не знаютъ или то и забываютъ, что нужно знать и помнить!

По извѣстіямъ изъ Петербурга, въ началѣ тамъ 9 апр. политическомъ процессѣ Богдановичъ заявилъ, что напрасно его партію называютъ ингилистами и анархистами, — «мы террористы и монархисты», но желаемъ для нашей страны монарха конституціоннаго. Златопольскій, заявляя подобное же, прибавилъ, что одинъ монархъ въ Россіи можетъ ввести полезныя народу реформы. Стефановичъ сказалъ, что онъ не хотѣлъ испроверженія правительства, но только перемены правит. системы. Относительно Чигиринскаго дѣла, онъ заявилъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду провозвести бунтъ, хорошо понимая ничтожество такой попытки, а думалъ только обратить вниманіе правительства на бѣдствія крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ воспользовался и ходившими среди крестьянъ толками объ оппозиціи дворянъ и чиновниковъ желаніямъ царя. Первые два сказали, что какъ только правительство въ Россіи стѣнетъ конституціоннымъ, терроризмъ прекратится. (Times, Indép. Belg.)

По нашимъ свѣдѣніямъ, изъ газетныхъ вѣстей объ открытіи въ Петербургѣ дамской фабрики и появленіи прокламаціи, напечатанной красными буквами, вѣрно только первое.

«Przedświt» извѣщаетъ, что приведенная нами (Ж 58) изъ «Pracy» прокламація комитета «Proletariat» — выдумка «Gazety Narodowej» и помѣщаетъ подлинную прокламацію, — основныя мысли которой, впрочемъ, почти такіе же.

Въ виду выборовъ въ галицкій сеймъ, львовскій наборщикъ и редакторъ газеты «Praca» г. Даниялюкъ, и публицистъ М. Павлюкъ изыли воззваніе къ рабочимъ и крестьянамъ, — въ которомъ указываютъ на недостатки теперешней избирательной системы, по которой, что и при ней возможно солидарное дѣйствіе народныхъ массъ въ ихъ краѣ, а потому предлагаютъ рабочимъ и крестьянамъ полякамъ и русскимъ, также и евреямъ, выбирать депутатовъ изъ среды, съ тѣмъ, чтобы эти депутаты положили начало союзнаго дѣйствія народныхъ элементовъ всѣхъ національностей въ Галиціи. Воззваніе напечатано по-польски и по-украински. Прокуратура конфисковала его, но авторы намѣрены защищать его передъ общими судебными инстанціями. Первая изрѣшилась дѣло не въ ихъ пользу.

Книжка г. Степяка «La Russia Sotterranea», переведенная уже на испанскій и португальскій языки, вышла на дняхъ и въ англійскомъ переводѣ. Напомнимъ, что книга эта даетъ очерки лицъ и характера революціоннаго движенія въ Россіи въ послѣдніе годы.

ПЕЧАТАЕТСЯ

отдѣльнымъ оттискомъ:

**ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ
ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ**

3. С.

Редакторъ М. Драгомановъ.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Dardel 16